

The background of the cover is a fantasy illustration. It depicts a dark, jagged mountain range under a deep red, sunset-like sky. In the foreground, a body of water reflects the sky's colors. A long, dark ship with a dragon-headed prow and a single mast with a dark sail is positioned in the lower right. The entire cover is framed by a decorative border with a repeating wave-like pattern in blue, gold, and red. The text is in a white, elegant serif font.

Джек Вэнс

СКАЗАНИЯ

УМИРАЮЩЕЙ

ЗЕМЛИ

Входит в 100 лучших книг
в жанре фэнтези

fanzon

Умирающая Земля

Джек Вэнс

**Сказания Умирающей
Земли: Волшебник
Мазериан; Пройдоха Кугель**

«ЭКСМО»

1950, 1966

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Вэнс Д. Х.

Сказания Умиравшей Земли: Волшебник Мазериан; Пройдоха Кугель / Д. Х. Вэнс — «Эксмо», 1950, 1966 — (Умиравшая Земля)

ISBN 978-5-04-178953-4

Финалист премии Hugo. Перед вами книга с головокружительной атмосферой, рассказывающая о поисках и страстях в состарившемся мире, где наша цивилизация и наука давно забыта, а древняя магия переживает новый упадок. Здесь обитают причудливые твари, затерянные города ждут своих героев, предчувствие конца дарит ощущение хрупкости и разжигает жажду жизни. На просторах Умиравшей Земли зло очаровательно, а добро – опасно. Милости просим в последние дни! «Работы Джека Вэнса продолжают демонстрировать воображение, оригинальность и стиль». – Джордж Мартин «Вэнсу практически нет равных, когда дело доходит до создания сложных, но декадентских миров». – Starlog «"Умиравшая Земля" Джека Вэнса – невероятно красивый бриллиант в россыпи сокровищ мировой литературы фэнтези. Величественный памятник, штучная, изумительная вещь». – Fantlab «Вэнс демонстрирует свой талант к созданию экзотических, а иногда и причудливых культур, которые выглядят как ироничный комментарий к излишествам и слабостям человеческого общества. Архаичная проза автора и сухой юмор завоевали ему страстных последователей». – Library Journal

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

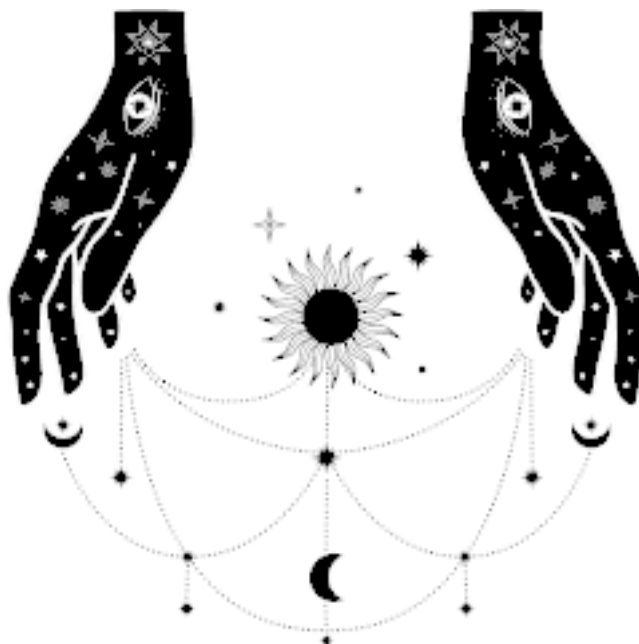
ISBN 978-5-04-178953-4

© Вэнс Д. Х., 1950, 1966

© Эксмо, 1950, 1966

Содержание

Волшебник Мазириан	8
Волшебник Мазириан	8
Турджан из Миира	21
Тсаис	33
Странник Лианэ	54
Как Юлан Дор положил конец мечте	63
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Джек Вэнс
Сказания Умирающей Земли.
Волшебник Мазериан; Пройдоха Кугель

Jack Vance

MAZIRIAN THE MAGICIAN

Copyright © 1950, 2002 by Jack Vance

CUGEL THE CLEVER

Copyright © 1966, 2005 by Jack Vance

Перевод книги выполнен по окончательному варианту текста произведений и одобрен семьей автора.

© Александр Фет, перевод на русский язык, 2017 г.

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Волшебник Мазериан

Волшебник Мазериан

Погрузившись в глубокое раздумье, волшебник Мазериан бродил по своему саду. Ветви, усеянные всевозможными опьяняющими фруктами, протягивались над его головой, цветы подобострастно кланялись, когда он проходил мимо. Высунувшись на вершок из грядки, глазки мандрагор, тусклые, как агаты, следили за поступью его мягких черных туфель. Таков был сад Мазериана – три террасы, покрытые странной и чудесной растительностью. Клумбы переливались радужными бликами, роскошные соцветия пульсировали, как морские анемоны – пурпурные, зеленые, сиреневые, розовые, желтые. Деревья, напоминавшие перистые зонты, создавали пеструю тень; другие подмигивали листвой, блестящей, как металлическая фольга, причем каждый отдельный лист отливал оттенком того или иного металла – меди, серебра, синего тантала, бронзы, зеленого иридия. Здесь пучки светящихся пузырьков осторожно пробивались среди глянцевых темно-зеленых листьев, там куст красовался сотнями трубчатых соцветий, тихо насвистывавших мелодии древней Земли, каждое по-своему – музыку, навевавшую воспоминания о рубиновых солнечных лучах, о родниковой воде, сочившейся в черноземе, о ленивых дуновениях ветерка. А за плотной зеленой изгородью таинственной стеной вырастали высокие стволы темного леса. В эти последние дни земного бытия никто уже не мог указать с уверенностью местонахождение всех окружающих лощин и лужаек, ложбин и омутов, укромных прогалин, полуразрушенных павильонов, выгоревших на солнце парковых «капризов», оврагов и пригорков, ручьев, заводей и прудов, лугов, рощ, перелесков и скальных обнажений.

Нахмурившись и заложив руки за спину, Мазериан продолжал задумчиво бродить туда-сюда по волшебному саду. Некая особа возбуждала в нем замешательство, сомнения и пламенную страсть: женщина, обитавшая в лесу, – привлекательнейшее существо! Она насмешливо подъезжала к ограде на черном коне, глаза которого сверкали, как золотистые кристаллы, однако всегда держалась настороже. Мазериан неоднократно пытался ее поймать, но каждый раз наездница ускользала – все его обольщения, угрозы и ухищрения были напрасны.

По саду разнесся вопль смертельного ужаса. Ускорив шаги, Мазериан обнаружил крота, грызущего стебель животного-растительного гибрида. Волшебник убил вредителя; вопли почти затихли, превратившись в глухие задышающиеся стоны. Мазериан погладил ворсистый лист, и красный зев гибрида зашипел от удовольствия.

После этого растение произнесло: «К-к-к-к-к-к-к...» Мазериан нагнулся, поднял грызуна за хвост и поднес его к красному зеву. Зев проглотил тельце вредителя, скользнувшее в подземный желудочный пузырь. Из глотки растения послышались булькающие звуки, последовала отрыжка; Мазериан с удовлетворением наблюдал за происходящим.

Солнце уже спускалось к горизонту – настолько потускневшее и покрасневшее, что в зените уже можно было видеть звезды. И теперь Мазериан почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Скорее всего, это была та самая женщина из леса – она и раньше нарушала его покой таким же образом. Волшебник стоял не шевелясь, пытаясь уловить, откуда исходил ее взгляд.

Мазериан выкрикнул заклинание, вызывавшее оцепенение. Животно-растительный гибрид у него за спиной стал жестким и неподвижным; неподалеку мягко упал на землю огромный зеленый мотыль. Волшебник быстро развернулся на каблуках. Вот она, на краю леса! Ближе, чем когда-либо! Пока он приближался, женщина не двигалась. Молодые глаза старца Мазериана сверкнули. Он заключит ее в своей усадьбе, в каземате из зеленого стекла. Он испытает ее мозг огнем и холодом, болью и наслаждением. Она будет подавать ему вино и принимать восемнадцать поз обольщения при желтом свете мерцающих лампад. Возможно, ее подослали следить за ним – в таком случае Мазериану следовало немедленно выяснить всю подноготную, ибо никого на древней Земле он не мог назвать своим другом и ему приходилось непрерывно охранять свой сад.

Незнакомка была всего лишь в двадцати шагах... но тут же послышался глухой топот черных копыт: наездница развернула коня и ускакала в лес.

Волшебник в ярости сбросил на землю свой плащ. Ее что-то защищало – противозаклятие или охранная руна, – причем она неизменно появлялась именно тогда, когда Мазериан был меньше всего готов к преследованию. Чародей вглядывался в сумрачные глубины леса: вот ее бледный силуэт появился на фоне багровеющих закатных лучей, вот он погрузился в черную тень – наездница исчезла... Кто она – ведьма? Приезжала ли она по своей прихоти или – что гораздо вероятнее – посылал ли ее враг, чтобы мучить его тревожными опасениями? Если так, кто повелевал назойливой посетительницей? Это мог быть принц Кандив Златокудрий из Кайина, у которого Мазериан выпытал секрет омоложения. Это мог быть Азван-астроном. Или Турджан? Вряд ли Турджан. Лицо Мазериана озарилось приятным воспоминанием... Но он отбросил эту мысль. По меньшей мере он мог проверить, не замешан ли тут Азван. Волшебник направился в лабораторию и подошел к столу, на котором покоился прозрачный хрустальный куб, окруженный дрожащим красным и синим ореолом. Мазериан достал из шкафа бронзовый гонг и серебряный молоток. Постучав по гонгу молотком, он извлек из него мягкий гулкий звон, разнесшийся по лаборатории и за ее пределы, по всему саду и дальше. Он ударил в гонг еще и еще раз. Внезапно в хрустальном кубе появилось лицо Азвана, искаженное болью и непритворным ужасом.

– Пощади, Мазериан! – взмолился Азван. – Не бей по резонатору моей жизни!

Рука Мазериана, замахнувшаяся молотком, задержалась:

– Ты шпионишь за мной, Азван? Подсылаешь ко мне ведьму, чтобы она похитила гонг?

– Не я, маэстро, не я! Мне слишком дорога жизнь!

– Ты должен доставить ко мне эту женщину, Азван! Это приказ!

– Невозможно, маэстро! Я даже не знаю, кто она и каковы ее побуждения!

Мазериан притворился, что вот-вот снова ударит по гонгу. Но Азван разразился настолько иступленным потоком просьб и заверений, что Мазериан с отвращением опустил молоток и спрятал магический гонг в шкафу. Лицо Азвана постепенно растворилось в прозрачной глубине приемника, и вскоре переливчатый хрустальный куб на столе стал таким же, как прежде.

Мазериан поглаживал подбородок. По всей видимости, ему надлежало поймать девушку самостоятельно. Позже, когда черная ночь окутает лесную чащу, он найдет в своих книгах заклинания, позволявшие безопасно и незаметно передвигаться по лесным прогалинам, где его подстерегали непредсказуемые опасности. Следовало выбрать мучительные, глубоко проникающие формулы, сначала приводящие обычного человека в замешательство, а затем вызывающие безумие. Благодаря усердным упражнениям Мазериан мог запомнить до четырех самых грозных заклинаний одновременно – или не больше шести не столь губительных.

Отложив на время этот проект, волшебник подошел к продолговатому растительному чану, ярко озаренному зеленым светом. Под поверхностью прозрачной жидкости покоилось тело мужчины, в зеленом зареве производившее пугающе призрачное впечатление, но отличавше-

еся прекрасным сложением. Широкоплечее и узкое в бедрах, тело обладало длинными мускулистыми ногами со слегка изогнутыми ступнями, скуластое лицо сохраняло безмятежно-суровое выражение, голову окружали пыльно-золотистые кудри.

Мазириан внимательно разглядывал существо, выращенное из единственной клетки. Творению не хватало только одного – разума, но волшебник не знал, как вселить в него разум. Этот секрет был известен Турджану из Миира, а Турджан – Мазириан мрачно прищурился, взглянув на люк, закрывавший отверстие в полу, – упрямо отказывался раскрыть свою тайну.

Мазириан вернулся к задумчивому созерцанию тела, лежавшего в чане. Неужели нельзя было придать этой идеальной фигуре правильно организованный, послушный мозг? Что ж, попытка не пытка. Волшебник включил устройство, откачивавшее жидкость из чана, и вскоре обнаженное тело лежало, поблескивая влажной кожей, ничем не защищенное от ярко-зеленых лучей. Мазириан впрыснул в шею существа каплю заранее приготовленного препарата. Тело вздрогнуло. Глаза открылись, но тут же зажмурились, ослепленные зеленым заревом. Мазириан повернул в сторону рефлектор излучателя.

Существо в чане слегка пошевелило руками и ногами – неуверенно, словно не понимая, как пользоваться конечностями. Мазириан напряженно наблюдал за происходящим: возможно, ему так-таки удалось найти подходящий рецепт синтеза мозга?

– Сядь! – скомандовал Мазириан.

Существо сосредоточило глаза на лице волшебника – в нем явно пробуждались естественные мышечные рефлексы. Совершенно неожиданно оно с гортанным ревом выскочило из чана и схватило Мазириана за горло. Мазириан, человек здоровый и сильный, пытался вырваться, но мускулистая бестия болтала его в воздухе как тряпичную куклу.

Несмотря на все его чары, Мазириан был беспомощен. Он уже истратил цепящее заклинание и в данный момент не помнил никакого другого. В любом случае он не смог бы произнести какую-либо многосложную формулу, искажающую пространство-время – ему стиснула горло бешеная хватка.

Отступая, волшебник нащупал рукой горлышко свинцовой бутылки. Размахнувшись, он огрел существо бутылкой по голове – ожившее тело пошатнулось и распласталось на полу.

Не слишком огорченный результатом эксперимента, Мазириан разглядывал лежавшую у него под ногами влажную фигуру. Существо продемонстрировало успешную координацию функций спинного мозга. Мазириан присел за стол и приготовил белую смесь. Приподняв златокудрую голову своего создания, он влил ему в рот это зелье. Существо оживо, открыло глаза, приподнялось на локтях. Безумие покинуло его, но волшебник напрасно искал в нем признаки сознания. Редко мигавшие глаза существа оставались пустыми, как у ящерицы.

Мазириан раздраженно покачал головой. Он подошел к окну – мрачный силуэт наклонившего голову волшебника выделялся четкой черной тенью на фоне овального стекла... Снова допросить Турджана? Турджан не выдал свой секрет даже под самой изощренной пыткой. Тонкие губы Мазириана иронически покривились. Может быть, если прибавить еще один поворот...

Солнце уже зашло, волшебный сад Мазириана погрузился в сумерки. Раскрылись ночные белые цветы, и заключенные в них серые мотыльки выпорхнули, перелетая с одной клумбы на другую. Мазириан распахнул люк в полу лаборатории и стал спускаться по лестнице – ниже, ниже, еще ниже... Наконец он повернул под прямым углом направо в коридор, освещенный желтым пламенем вечных светильников. За спиной остались его пещерные грибные грядки, справа в стене была устроена крепкая дубовая дверь, окованная чугуном и запертая на три замка. Впереди скрывались во мраке каменные ступени, ведущие дальше вниз.

Мазириан открыл три замка и распахнул дверь настежь. В помещении за дверью ничего не было, кроме каменного пьедестала с установленной на нем застекленной сверху квадрат-

ной коробкой примерно метровой ширины и высотой сантиметров двенадцать. В коробке – по сути дела, в устроенном вдоль ее стенок проходе с четырьмя поворотами по углам – двигались две небольшие фигурки: преследователя и преследуемого. Хищником был маленький дракончик с яростно горящими красными глазами и отвратительной клыкастой пастью. Косолапый и шестиногий, он вперевалку ковылял по проходу, подергивая хвостом. Жертвой был человек в два раза меньше дракона – обнаженный, с решительным лицом и длинными черными волосами, стянутыми медным обручем. Лилипут бежал чуть быстрее преследователя, неустанно продолжавшего погоню и применявшего кое-какие уловки: время от времени дракончик уставал от попыток дотянуться до человека зубами, поворачивал назад и прятался за углом – на тот случай, если человек не обернется вовремя и неосторожно забежит за угол. Но лилипут, бдительно следивший за поведением дракончика, все время умудрялся избегать зубов преследователя. Человеком был Турджан, которого Мазериан, применив несколько подлых трюков, пленил две недели тому назад, уменьшил в размерах и заключил в застекленную коробку.

Мазериан с удовольствием наблюдал за тем, как рептилия прытко бросалась на человека, как только тот останавливался, чтобы перевести дыхание, – но человек каждый раз успевал оставаться за пределами досягаемости. Мазериан подумал, что пора было дать обоим передохнуть и накормить их. Он опустил панели, перегородившие квадратный проход по углам и разделившие его на две половины: в одной остался человек, в другой – дракон. Поставив каждому по наперстку с водой, он подбросил им по кусочку мяса.

Турджан тут же опустился на дно коробки, прислонившись спиной к стенке.

– Ага! – сказал Мазериан. – Ты устал? Хочешь отдохнуть?

Турджан закрыл глаза и молчал. Ход времени и весь мир уже не имели для него никакого значения. Единственной реальностью были серый коридор и бесконечное бегство. Иногда, не слишком регулярно, его кормили и позволяли несколько часов подремать.

– Вспомни о синем небе, – говорил Мазериан, – о серебристых звездах, о твоём замке Миир над рекой Дерной, подумай о том, как хорошо и вольно гулять по лугам!

Мышцы вокруг рта Турджана чуть дрогнули.

– Ты мог бы раздавить дракона каблуком – подумай только!

Турджан поднял голову:

– Я предпочел бы свернуть шею тебе, Мазериан.

Мазериан ухом не повел:

– Расскажи, как ты прививаешь разум существам, выращенным в чанах. И я выпущу тебя на свободу.

Турджан рассмеялся – смехом сумасшедшего:

– Рассказать тебе? И что дальше? Сразу после этого ты свариишь меня в кипящем масле!

Уголки тонких губ Мазериана капризно опустились:

– Негодяй, я знаю, как заставить тебя говорить! Ты все расскажешь, даже если твой рот будет набит ватой и воском, а потом заклеен! Завтра я обнажу нерв в твоей руке и проведу по нему наждачной тканью!

Маленький Турджан, вытянув ноги поперек прохода в коробке, пил воду и молчал.

– Сегодня ночью, – произнес Мазериан нарочито зловещим тоном, – я добавлю еще один угол. Теперь тебе придется бегать по пятиугольнику.

Турджан отвлекся от наперстка с водой и взглянул наверх, на врага, склонившегося над стеклянной крышкой, после чего снова стал прихлебывать воду. В пятиугольном проходе оставалось бы меньше времени на то, чтобы заметить появившееся из-за поворота чудовище и начать от него убегать.

– Завтра, – продолжал Мазериан, – тебе потребуется все твое проворство. – Волшебнику пришла в голову новая мысль: – Но даже от этого испытания я тебя избавлю, если ты поможешь мне решить одну проблему.

– В чем состоит твое затруднение, чокнутый чародей?

– Меня преследует наваждение в образе женщины. Я хотел бы ее поймать! – Одна мысль о такой возможности заставила затуманиться глаза волшебника. – По вечерам она приезжает к ограде моего сада на огромном черном коне – ты ее знаешь, Турджан?

– Нет, понятия не имею. – Турджан продолжал понемногу прихлебывать воду.

Мазериан продолжал:

– Она достаточно владеет магией, чтобы оградить себя от второго гипнотического заклинания Фелойуна. Или, возможно, кто-то снабдил ее охранной руной. Когда я к ней приближаюсь, она скрывается в лесу.

– Так что же? – спросил Турджан, закусывая предоставленным Мазерианом кусочком мяса.

– Кто эта женщина? – настаивал Мазериан, опустив кончик длинного носа над головой миниатюрного пленника.

– Откуда мне знать?

– Я должен ее поймать! – Теперь Мазериан говорил скорее с самим собой, нежели с пленником. – Но какие для этого выбрать заклинания? Какие заклинания?

Турджан смотрел вверх, хотя гигантскую физиономию волшебника трудно было разглядеть – она расплывалась за стеклом:

– Освободи меня, Мазериан, и, даю слово избранного иерарха Марам-Ора, я приведу к тебе эту девушку!

– Как ты это сделаешь? – с подозрением спросил волшебник.

– Надену сапоги-сороходы, вооружусь горстью заклинаний и настигну ее в лесу.

– У тебя это получится не лучше, чем у меня, – возразил Мазериан. – Свободу ты получишь только тогда, когда разъяснишь методы выращивания разумных существ. А за женщиной на черном коне я буду охотиться сам.

Турджан опустил голову, чтобы волшебник не мог прочесть выражение в его глазах. Немного погодя Турджан спросил:

– И что будет со мной, Мазериан?

– Тобой я займусь, когда вернусь.

– Что, если ты не вернешься?

Мазериан погладил подбородок и улыбнулся, обнажив мелкие белоснежные зубы:

– Если бы не твой проклятый секрет, дракон сожрал бы тебя уже сию минуту!

Волшебник поднялся по каменной лестнице. В полночь он все еще сидел в лаборатории, перелистывая страницы томов в кожаных переплетах и листы, беспорядочно вложенные в папки... Когда-то были известны больше тысячи рун, заклинаний, магических формул, проклятий и чар. Просторы Великого Мофолама – Асколаис, Кочикский Айд, Альмерия на юге, степи Рухнувшей Стены на востоке – буквально кишели всевозможными чародеями и кудесниками, самым влиятельным из которых слыл архинекромант Фандаал. Фандаал сам сформулировал сотню заклинаний – хотя ходили слухи, что формулы великого мага ему нашепывали демоны. Понтесилья Благочестивый, правивший в те времена Великим Мофоламом, подверг Фандаала пыткам и наутро после ужасной ночи казнил его, а затем запретил колдовство по всей своей империи. Чародеи Мофолама разбежались по щелям, как тараканы, испуганные внезапно включенным светом; их знания постепенно рассеивались и подвергались забвению – до тех пор, пока Солнце не стало темнеть над одичавшим Асколаисом, пока белокаменный город Кайин не стал превращаться в руины. Ныне оставались известными лишь чуть больше

ста заклинаний, причем Мазериану были доступны семьдесят три – мало-помалу, посредством махинаций и переговоров, он приобретал другие.

Мазериан выбрал из книг надлежащие формулы и, приложив немалые усилия, запечатлел в уме пять заклинаний: «Фазовращатель» Фандаала, «Второе гипнотическое заклинание» Фелойуна, «Великолепный призматический спрыск», «Заклятие неистощимой бодрости» и «Вызов непроницаемой сферы». Закончив этот труд, Мазериан выпил вина и улегся на койку.

На следующий день, незадолго перед заходом Солнца, Мазериан отправился на прогулку по саду. Ему не пришлось долго ждать. Пока он разрыхлял почву вокруг корней лунных гераней, топот копыт возвестил о прибытии предмета его вожделений.

Она держалась в седле, гордо выпрямившись, – молодая женщина изысканного телосложения. Медленно наклонившись, чтобы, паче чаяния, не спугнуть красавицу, Мазериан надел сапоги-сорокоходы и застегнул их над коленями.

Поднявшись во весь рост, он воскликнул:

– Прекрасная незнакомка! Ты снова здесь. Что ты делаешь в моем саду по вечерам? Восхищаешься розами? Их алые лепестки насыщены свежей кровью. Если сегодня ты останешься со мной, я подарю тебе одну из этих роз.

Мазериан сорвал розу с ветки содрогнувшегося куста и начал потихоньку приближаться к наезднице, сопротивляясь настойчивым порывам сапог-сорокоходов. Он успел сделать только четыре шага, когда женщина ударила коня коленями по ребрам и поскакала прочь, скрываясь между древесными стволами.

Мазериан позволил сапогам сорваться с места и мчаться со всей возможной скоростью. Сапоги совершали, один за другим, частые длинные прыжки – Мазериан пустился в погоню.

Так волшебник оказался в сказочном лесу. Со всех сторон покрытые мхом, вздувшиеся в основаниях стволы извивались к небу, поддерживая высокие кроны. Солнечные лучи то и дело пробивались сквозь листву, разбрасывая карминовые блики по лесной подстилке. В тени покачивались на длинных стеблях бледные цветы и хрупкие нежные грибы; в эти последние годы Земли природа не торопилась и словно отдыхала от потрясений минувшего.

Но Мазериан торопился – сапоги-сорокоходы несли его гигантскими скачками. Черный конь, однако, постоянно опережал его, не прилагая никаких особенных усилий.

Женщина с черными волосами, развевавшимися подобно вымпелу, проехала уже несколько лиг. Она обернулась, и Мазериан увидел ее лицо – лицо недостижимой мечты. Наездница пригнулась к гриве – черный конь с золотистыми глазами понесся с удвоенной прытью и вскоре скрылся из виду. Теперь, чтобы не сбиться с пути, Мазериану приходилось разыскивать следы копыт.

Сапоги-сорокоходы начинали терять пружинистую бодрость – они бежали уже давно и быстро. Гигантские прыжки становились короче и тяжелее, но черный конь, судя по следам, тоже устал и бежал уже не галопом, а мелкой рысью. Через некоторое время Мазериан вышел из леса на луг и увидел пасущегося коня, без наездницы. Волшебник тут же остановился. Перед ним было обширное открытое пространство, поросшее нежной травой. Следы вели на луг, но, судя по тем же следам, конь не покидал пастбище. Следовательно, женщина спешила где-то раньше – и ничто не позволяло Мазериану определить, где именно. Он попробовал приблизиться к коню, но животное отпрянуло и ускакало в лес. Волшебник не пытался догнать его – он обнаружил, что чудесные сапоги обмякли и больше не работали.

Мазериан отшвырнул сапоги, проклиная этот день и свою неудачу. Раздраженно завернувшись в плащ, он направился назад по тропе – на лице его застыло выражение злобного напряжения.

В этой части леса часто встречались обнажения черной и темно-зеленой скальной породы, базальта и серпентинита – предвестники утесов, возвышавшихся над рекой Дерной. На одном из таких каменных выступов Мазериан заметил маленького человечка верхом на

стрекозе. Кожа лесного эльфа отливала зеленоватым блеском; на нем была легкая полупрозрачная накидка, а в руке он держал копьё в два раза длиннее своего роста.

Мазириан остановился. Человечек смотрел на волшебника – молча и неподвижно.

– Ихневмон, ты видел, как здесь проходила женщина моей расы? – спросил Мазириан.

Поразмыслив пару секунд, зеленый человечек кивнул:

– Видел.

– Где она теперь?

– А что ты мне дашь, если я тебе скажу?

– Соль – столько, сколько сможешь взять.

Эльф-ихневмон покрутил копьём в воздухе:

– Соль? Зачем она мне? Странник Лианэ приносит соль вождю Данданфлоресу – столько, что всему племени хватает.

Мазириан мог представить себе, за какие услуги трубадур-разбойник платил эльфам солью. Эльфы-ихневмоны, стремительно летавшие на стрекозах, знали обо всем, что происходило в лесу.

– Ампулу елея, выжатого из лепестков теланксиса?

– Хорошо! – уступил эльф. – Покажи флакон.

Мазириан продемонстрировал ампулу.

– Она свернула с тропы у расщепленного молнией дуба – он неподалеку – и спустилась в речную долину. Это кратчайший путь к озеру.

Мазириан положил ампулу на камень рядом со стрекозой и поспешил к искореженному дубу над рекой. Тем временем ихневмон спешил и привязал ампулу к брюшку стрекозы рядом с мотком тончайшей пряжи, который женщина дала ему, чтобы он направил волшебника ей вдогонку.

Повернув в долину там, где рос расщепленный дуб, Мазириан нашел следы среди опавших листьев. Перед ним к реке полого спускалась широкая просека. По обеим сторонам просеки выстроились частые стволы лесной чащи; там, где их озаряли лучи заходящего Солнца, они казались пропитанными кровью, а с другой стороны – угольно-черными. Тень с западной стороны была настолько глубокой, что волшебник не приметил тварь, сидевшую на упавшем трухлявом дереве, – он почувствовал ее присутствие только тогда, когда она уже приготовилась броситься ему на спину.

Мазириан отпрянул, повернувшись лицом к опять присевшему в угрожающей позе деоданду: атлетически сложенному, красивому человекообразному существу с матовой черной кожей и раскосыми глазами-щелочками.

– Привет, Мазириан! – Деоданд говорил тихо и вкрадчиво, но эхо его голоса разносилось по всей просеке. – Ты, я вижу, забрел далеко в лес.

Мазириан знал, конечно, что деоданды обожали человеческое мясо. Каким образом девушка избежала нападения? Ее следы вели вниз, вдоль тенистой чащи.

– Я кое-кого ищу, деоданд. Если ты ответишь на мои вопросы, я обещаю скормить тебе человека.

Деоданд смерил волшебника хищным взглядом с головы до ног, его глаза сверкнули:

– Твоя плоть подойдет не хуже плоти любого другого. Надо полагать, ты вооружился мощными заклинаниями?

– Разумеется. Как давно здесь проходила девушка? Торопилась она или нет? Кто-нибудь ее сопровождал? Отвечай – и я накормлю тебя человечиною, когда это тебя устроит, в условленное время.

Деоданд издевательски оскалился:

– Мазериан, ты ослеп? Она все еще на просеке – смотри! – Хищник протянул угольно-черную руку. Мазериан повернулся в ту сторону, но тут же отпрыгнул в сторону – деоданд снова на него бросился. На этот раз с уст волшебника гневно сорвалась многосложная формула фазовращателя Фандаала. Ступни деоданда оторвались от земли, его подбросило высоко в воздух, где он принялся безудержно кувыркаться то быстрее, то медленнее, то взмывая над кронами деревьев, то падая почти к самой земле. Мазериан с усмешкой наблюдал за этими пертурбациями, после чего опустил черное тело пониже и заставил его кружиться равномерно, на одном уровне.

– Как ты хочешь умереть – быстро или медленно? – поинтересовался волшебник. – Помоги мне, и я убью тебя сразу. Иначе ты поднимешься под облака – туда, где кормятся пель-граны.

Деоданд хрипел, задыхаясь от ярости и страха:

– Да выколет тебе глаза темный дух Фиала! Пусть Краан обольет кислотой твой обнаженный мозг!

Людоед продолжал сыпать настолько ужасными проклятиями, что Мазериан вынужден был пробормотать несколько противосглазов.

– Так улетай же! – сказал волшебник и взмахнул рукой. Болтающее руками и ногами черное тело воспарило высоко над лесом и стало медленно кружиться в малиновых лучах заходящего Солнца. Уже через несколько секунд пятнистая тварь, подобная гигантской летучей мыши с клювом, подлетела к деоданду и вцепилась ему в ногу. Отчаянно брыкаясь, деоданд сумел отбросить ее, но к нему уже приближались другие черные тени, порхающие на фоне заката.

– Отпусти, Мазериан! – донесся слабый крик из неба. – Я скажу все, что знаю!

Мазериан опустил деоданда ближе к земле.

– Она здесь пробежала перед тем, как появился ты. Я готовился на нее напасть, но она отпугнула меня горстью колдовского порошка. В конце просеки она повернула и спустилась по тропе к реке. Тропа эта ведет мимо логова Франга. Ей конец, потому что Франг будет сосать ее кровь, пока она не умрет.

Мазериан погладил подбородок:

– Она запаслась заклинаниями?

– Не знаю. Чтобы спастись от демона Франга, нужны могущественные чары.

– Что еще ты можешь рассказать?

– Ничего.

– Тогда умри! – Мазериан заставил людоеда вертеться все быстрее и быстрее, с огромной скоростью, пока его фигура не превратилась в сплошное размытое пятно. Из пятна послышался сдавленный вой, после чего тело деоданда разорвалось: голова пулей пронеслась по воздуху и упала в нижней части просеки; руки, ноги, внутренности разлетелись во все стороны.

Мазериан продолжил путь. В нижнем конце просеки тропа круто спускалась к реке по темно-зеленым уступам серпентинита. Солнце уже зашло, долина наполнилась сумраком. Мазериан вышел на речной берег и направился вниз по течению – туда, где вдали блестели воды Санры, озера сновидений.

В воздухе повеяло зловещей вонью разложения и гниющих отходов. Теперь Мазериан продвигался вперед осторожнее, так как логово упыря-медведя Франга было где-то неподалеку; волшебник уже ощущал присутствие черной магии, настойчивых грубых чар, способных оказаться сильнее его изощренных заклинаний.

Послышались голоса – хриплые гортанные возгласы Франга и задыхающиеся вопли ужаса. Мазериан выглянул из-за выступа скалы, чтобы определить, откуда доносились эти звуки.

Логовом Франгу служил обширный альков под навесом скалы, где упырь устроил зловонную подстилку из подгнившей соломы и шкур. Рядом он соорудил нечто вроде примитивного загона, в котором сидели три женщины, покрытые многочисленными кровоподтеками; на лицах женщин застыло выражение безысходного ужаса. Франг похитил их на берегу озера, где обитало племя, рыбачившее на баржах из бревен, переплетенных шелковыми лентами. Теперь пленницы наблюдали за тем, как упырь принуждал к подчинению только что пойманную жертву. Серое человеческое лицо кровопийцы нетерпеливо гримасничало – он пытался сорвать с девушки блузу-безрукавку почти человеческими руками. Но та проявляла невероятную ловкость, уклоняясь от приближения огромного потного тела упыря. Мазериан прищурился: несомненно, здесь дело не обходилось без магии!

Волшебник продолжал стоять и наблюдать, размышляя над тем, каким способом можно было бы уничтожить Франга, не причиняя особого ущерба девушке. Но та успела его заметить, выглянув за плечо упыря.

– Смотри! – лихорадочно вскрикнула она. – Мазериан пришел тебя убить!

Франг развернулся одним прыжком. Увидев волшебника, он издал страстный торжествующий рев и помчался к нему галопом на четвереньках. Впоследствии Мазериан предположил, что упырь так-таки пользовался какими-то чарами, потому что в этот момент мозг волшебника словно парализовало страхом. Возможно, однако, что помрачение ума было вызвано исключительно внешностью медведя-упыря: жутким серовато-белым человеческим лицом и огромными руками, тянувшимися к шее Мазериана.

Старый волшебник сумел сбросить оцепенение – чем бы оно ни было вызвано – и поспешно произнес заклинание: всю долину тут же озаарили потоки огненных стрел, растерзавших уткнувшееся головой в землю тело Франга на тысячи кусков. Таков был великолепный призматический спрыск разноцветных разрядов, острых как бритвы. Франг умер почти мгновенно – его темно-багровая кровь хлынула из бесчисленных сквозных ран, оставленных ослепительным шквалом молний.

Мазериана мало интересовала судьба упыря. Девушка сбежала. Ее облаченная в белое фигура спешила к озеру по берегу Дерны. Волшебник пустился в погоню, не обращая внимания на умоляющие вопли трех женщин, запертых в загоне.

Вскоре перед ним раскинулось обширное зеркальное водное пространство, окаймленное смутно-серой, едва заметной полоской берегов. Мазериан спустился на песчаную косу и стоял, глядя в сумрак над водами Санры, озера сновидений. Последняя заря заката уже почти погасла, небо стало бархатно-черным, на поверхности озера отражались звезды. Прохладные спокойные воды не знали ни приливов, ни отливов – так же, как и все остальные воды Земли с тех пор, когда Луна покинула свою орбиту.

Куда пропала женщина? Вот она! Бледная фигура неподвижно стояла в тени на другом берегу реки. Мазериан вышел на край песчаной косы, высокий и величественный; легкий ветерок теребил нижний край его плаща.

– Эй, красавица! – позвал он. – Я, Мазериан, спас тебя от зубов Франга! Подойди ближе, я хочу с тобой поговорить.

– Я и так хорошо тебя слышу, – ответила она. – А чем ближе я к тебе подойду, тем дальше мне придется от тебя бежать.

– Зачем же тебе бежать? Вернись со мной, и ты станешь владычицей многих тайн и хозяйкой моей усадьбы.

Девушка рассмеялась:

– Если бы я этого хотела, Мазериан, заставила бы я тебя гнаться за мной так долго и так далеко?

– Если ты не стремишься познать тайны волшебства, кто ты такая и что тебе нужно?

– Для тебя, Мазериан, у меня нет имени – я не хочу, чтобы ты меня сглазил. А теперь я ухожу туда, где ты меня не найдешь.

Она пробежала по берегу, медленно зашла в воду по пояс, по плечи – и скрылась в глубинах озера.

Мазериан пребывал в нерешительности. Было бы непредусмотрительно использовать слишком много заклинаний и таким образом лишиться всякой защиты. Кто знает, что скрывалось под поверхностью озера? Уже здесь, на берегу, ощущалась малозаметная магия; Мазериан не враждовал с Хозяином озера, но другие существа могли рассматривать погружение как вторжение в их вотчину. Тем не менее, убедившись в том, что девушка не намерена снова появиться, волшебник произнес заклятие неистощимой бодрости и зашел в прохладную воду.

Погрузившись глубоко в озеро сновидений, Мазериан стоял на дне. Благодаря заклятию его легкие не испытывали ни малейшего неудобства; он дивился странности окружающего подводного ландшафта. Вопреки его ожиданиям, здесь не было темно – все брезжило зеленоватым светом, и вода была лишь немногим мутнее воздуха. Растения покачивались, потревоженные течением впадающей реки, и вместе с водорослями плавно трепетали на гибких стеблях озерные цветы – красные, синие и желтые. Выплывали и снова прятались в зарослях причудливые глазастые рыбы.

Скальные уступы-ступени озерного дна спускались к широкой равнине, где подводные деревья протягивали вверх изящные мягкие стволы с ажурными перистыми ветвями, усеянными темно-лиловыми озерными фруктами, постепенно сливаясь на расстоянии с призрачными глубинами. Мазериан видел беглянку, теперь превратившуюся в белую речную нимфу с туманно распущенными темными волосами. Она плыла, отталкиваясь ступнями от песчаного дна подводного мира и время от времени оглядываясь. Мазериан, в развевающемся под водой плаще, последовал за ней.

Волшебник приближался к девушке и уже торжествовал. Конечно, ее надлежало наказать за то, что она слишком долго водила его за нос... Древняя каменная лестница под его лабораторией уводила в глубокие подземелья, и чем глубже были подземелья, тем обширнее они становились. Когда-то в одном из этих мрачных сводчатых подземелий Мазериан обнаружил ржавую клетку. Через пару недель, проведенных в полной темноте, у красавицы поубавится дерзкой самоуверенности. Ему уже приходилось укрощать одну строптивую женщину, уменьшив ее так, чтобы она помещалась на ладони, и посадив ее в стеклянную бутылку, в которой летали две раздраженные мухи...

В зеленой подводной перспективе показались развалины беломраморного храма: множество колонн – одни опрокинулись, другие еще поддерживали карниз фронтона. Женщина заплыла в тень под архитравом огромного портика. Возможно, она надеялась спрятаться; нужно было внимательно следить за ее перемещениями. Белая фигура мелькнула в дальнем конце нефа – теперь она проплыла над ростром в полукруглую нишу.

Мазериан преследовал ее со всей возможной быстротой: так же, как она, волшебник плыл в торжественном сумраке, время от времени отталкиваясь носками ступней от мраморных плит и обломков. Он вглядывался в полутьму. Колонны потоньше не слишком надежно поддерживали купол, из которого давно выпал центральный замковый камень. Волшебника внезапно охватил страх, тут же оправдавшийся, как только он заметил какое-то движение наверху. Со всех сторон на него повалились колонны, а за ними сыпалась лавина мраморных блоков. Мазериан отпрянул, лихорадочно пытаясь отплыть назад.

Обвал закончился, белая пыль древней кладки постепенно рассеялась и осела. Женщина опустила изящные колени на край цоколя храма и напряженно смотрела вниз, пытаясь понять, удалось ли ей убить похотливого старого колдуна.

Не удалось. По чистой случайности две колонны свалились по бокам волшебника, а упавший на них обломок плиты образовал перекладину, защитившую его тело от тяжелых блоков.

Почти погребенный, Мазериан с трудом повернул голову. Сквозь прореху в куче мрамора он видел женщину, наклонившуюся, чтобы разглядеть его. Значит, она хотела его убить? Его, Мазериана, прожившего столько лет, что он даже не затруднялся их подсчитывать? Что ж, тем больше оснований будет у нее теперь бояться и ненавидеть его! Волшебник произнес оставшееся у него заклинание, вызов непроницаемой сферы. Вокруг него образовалась потрескивающая искрами оболочка силового поля, быстро расширявшаяся, расталкивая все, что его окружало. Когда мраморные обломки раздвинулись, Мазериан уничтожил сферу, поднялся на ноги и снова стал разыскивать женщину, гневно озираясь по сторонам. Она уже почти скрылась за густой порослью длинных пурпурных водорослей, поспешно поднимаясь на берег по скальным уступам. Мазериан энергично бросился в погоню.

Тсаин едва выбралась на берег, силы покидали ее. Тем не менее волшебник Мазериан все еще преследовал ее, и его чары нарушили все ее планы. Вспомнив выражение его лица, она содрогнулась. Нет, сдаваться было нельзя.

Усталость и отчаяние мешали ей двигаться. Она отправилась в путь, вооружившись двумя чарами: заклинанием неистощимой бодрости и заклятием, придававшим силу и ловкость ее рукам. Второе заклятие позволило ей сопротивляться Франгу и обрушить на Мазериана обломки храма. Но эти чары были истрачены, ее больше ничто не защищало. С другой стороны, у Мазериана тоже могло не остаться никаких магических средств.

Возможно, волшебник забудет в спешке об угрозе, исходившей от травы-вампира? Тсаин бегом поднялась по склону и остановилась за порослью бледной, словно прибитой ветром к земле травы. Из воды на берег вышел Мазериан – худощавый высокий силуэт на глянцевом фоне озера.

Девушка стала отступать так, чтобы невинная поросль оставалась между ней и волшебником. Если ей не поможет трава, что еще ей оставалось? Она отказывалась даже помыслить об этом.

Мазериан забрел в траву. Бледные вялые побеги сразу превратились в жилистые щупальца. Обвившись вокруг его лодыжек, они удерживали волшебника железной хваткой, в то время как другие приготовились проткнуть ему кожу.

Мазериану пришлось истратить последнее заклинание, вызывавшее гипнотический паралич у всех ближайших живых существ. Трава-вампир обмякла и распласталась по земле. Надежда Тсаин не оправдалась. Чародей почти догонял ее, она уже слышала, как хлопал на ветру плащ у него за спиной. Неужели он не устал? Неужели его мышцы не болели, почему он не задыхался? Девушка бежала по лугу к роще черных деревьев. Она похолодела при виде безжизненной тенистой почвы между угрюмыми стволами. Но топот ног Мазериана приближался. Она бросилась в мертвую сень: нужно было пробежать как можно дальше прежде, чем роща проснется!

Щелк! Ее стегнуло жесткой веткой-бичом. Она продолжала бежать. Ветви безжалостно били ее еще и еще раз – девушка упала. Снова и снова щелкали полосовавшие ее бичи. Тсаин с трудом поднялась на ноги и сделала еще несколько шагов, пошатываясь и прикрывая лицо руками. Щелк! Ветви-бичи со свистом рассекали воздух – очередной взмах заставил ее вернуться на месте. Она увидела Мазериана.

Волшебник отбивался. Стоя под градом ударов, он пытался хватать и ломать хлещущие ветви. Но гибкие упругие плети не поддавались – они изворачивались, вырывались, оттягивались и снова били его. Взбешенные сопротивлением, черные деревья-убийцы сосредоточили усилия на несчастном волшебнике, бешено защищавшемся с пеной у рта. Пользуясь неожиданной передышкой, девушка уползла из рощи на четвереньках и таким образом спаслась.

Сидя на земле, она обернулась и неотрывно смотрела на Мазериана: старый волшебник демонстрировал жажду жизни, вызывавшую смешанное чувство ужаса и почтения. В сумраке

рощи еще видна была его долговязая упрямая фигура, он все еще стоял, хотя удары непрерывно обрушивались на него со всех сторон. Волшебник слабел, он пытался бежать – и наконец упал. Ветви хлестали его по голове, по плечам, по длинным ногам. Он пробовал подняться, но снова упал.

Тсаин облегченно закрыла глаза. Кровь сочилась из ее шрамов. Ей оставалось, однако, сделать самое главное. Она заставила себя подняться на ноги и, пошатываясь, пошла прочь. Но еще долго до ее ушей доносились свист и стук разъяренных плеток-ветвей.

Ночью сад Мазериана становился невыразимо прекрасным. Широко распускались магически совершенные звездчатые соцветия, выпуская порхающих над ними полурастительных пленников-мотыльков. Фосфоресцирующие водяные лилии плавали в пруду, изображая очаровательные лица, а куст, который Мазериан привез из далекой Южной Альмерии, придавал воздуху сладковатый фруктовый привкус.

Шатаясь и задыхаясь, хватаясь за ветки, чтобы удержаться на ногах, Тсаин пробиралась по саду. Некоторые цветы просыпались и с любопытством поглядывали на нее. Животно-растительный гибрид приветствовал ее сонным щебетом – ему показалось, что подходит хозяин-волшебник. Едва слышно раздавалась тоскливая музыка голубых цветов-свирелей, напевавших о ночах глубокой старины, когда Луна еще плыла по небосклону, когда деревья гнулись под ураганным ветром и молнии рассекали пелену грозовых туч.

Тсаин не замечала ничего вокруг. Проникнув в усадьбу Мазериана, она нашла лабораторию, освещенную вечными желтыми лампадами. Златокудрое создание волшебника, лежавшее в растительном чане, внезапно село и уставилось на девушку красивыми бессмысленными глазами.

Тсаин отыскивала ключи Мазериана в шкафу и сумела, приложив немалые усилия, открыть люк в полу. После этого она опустилась на пол, чтобы передохнуть, – розовая пелена в глазах мешала ей видеть. Но ее внутреннему зору все еще являлись недавние яркие воспоминания: Мазериан, высокий и самоуверенный, выступивший из-за уступа скалы, чтобы расправиться с Франгом, странные зеленовато-желтые и зеленовато-лиловые подводные цветы в озере, лишенный чар Мазериан, обреченно дерущийся с ветвями-плетями... Она очнулась от полудремы, когда вылезшее из чана мокрое существо боязливо погладило ее по голове.

Заставив себя двигаться, Тсаин не то чтобы спустилась, а скорее сползла, держась за стены, по каменной лестнице, открыла три замка дубовой двери и распахнула ее, затратив практически последнюю энергию, сохранившуюся в ее теле. Чтобы не упасть, она схватилась за пьедестал застекленной коробки, в которой маленький Турджан и маленький дракон продолжали отчаянную игру в прятки. Тсаин приподняла прозрачную крышку, со звоном отбросила ее в сторону, осторожно приподняла Турджана и поставила его на пол.

Прикосновение руны на ее браслете рассеяло чары, и Турджан снова стал человеком обычного роста. Увидев, во что превратилась Тсаин, он ужаснулся.

Она пыталась ему улыбнуться:

– Турджан, ты свободен...

– А Мазериан?

– Мертв.

Она бессильно опустилась на каменный пол и лежала без движения. В глазах Турджана появилось странное выражение: он понял, что девушка умерла.

– Тсаин, дражайшее создание мое! – прошептал он. – Ты благороднее меня, ты пожертвовала своей короткой жизнью, чтобы выпустить меня на волю.

Турджан поднял ее тело:

– Но я воскрешу тебя в растительном чане. Твой мозг будет жить в теле новой Тсаин – такой же красавицы, как ты. Пойдем!

И он поднялся по лестнице с безжизненным телом в руках.

Турджан из Миира

Турджан сидел на табурете в лаборатории, широко расставив ноги и опираясь локтями на верстак за спиной. Напротив находилась клеть, на каковую Турджан взирал с удрученным раздражением. Заключение в клетку тварь столь же сосредоточенно смотрела на него – с выражением, не поддающимся истолкованию.

Существо это – с огромной головой на тшедушном тельце, с близорукими слезящимися глазами и дряблым носом пуговкой – не могло вызывать ничего, кроме жалости. Его слюнявый рот безвольно приоткрылся, розоватая кожа блестела, как навощенная. Несмотря на очевидное несовершенство, таков был на данный момент самый успешный продукт растильных чанов Турджана.

Турджан встал и взял горшок с полужидкой кашей. Пользуясь длинной ложкой, он поднес пищу ко рту существа. Рот отверг ложку – стекая по глянцевої коже, обрывки каши шлепались на рахитичное тельце.

Турджан поставил горшок рядом с клеткой, вернулся к табурету и медленно присел. Тварь отказывалась есть уже целую неделю. Неужели под идиотской внешностью этой образины скрывалась пронизательность? Воля к прекращению существования? По мере того как Турджан наблюдал за своим произведением, голубоватые белесые глаза существа закатились, огромная голова поникла и с глухим стуком упала на пол. Конечности твари расслабились – она сдохла.

Турджан вздохнул и покинул помещение. Поднимаясь по извилистой каменной лестнице, в конце концов он вышел на крышу замка Миир, возвышавшегося над глубокой долиной реки Дерны. На западе Солнце уже приближалось к горизонту древней Земли; рубиновые косые лучи, словно насыщенные густым вином, пробивались между корявыми кряжистыми стволами архаического леса и озаряли подстилку мшистого дерна. Солнце заходило, совершая обряд, заведенный испокон веков; ночь последних дней – мягкий теплый мрак – быстро окутывала лес, пока Турджан стоял, размышляя о смерти своего новейшего творения.

Он вспоминал множество предыдущих экспериментов: тварь, состоявшую из слипшихся глаз, бескостное существо с обнаженной пульсирующей поверхностью мозга, прекрасное женское тело, кишки которого тянулись из него в питательном растворе подобно ищущим опоры шевелящимся побегам, вывернутые наизнанку организмы... Турджан уныло вздохнул. Он применял ошибочные методы; в процессе синтеза отсутствовал какой-то фундаментальный элемент, матрица, упорядочивающая развитие органов и тканей.

Сидя на скамье и глядя на темнеющий ландшафт, Турджан погрузился памятью в сумрак прошлого – когда-то, много лет тому назад, здесь, рядом с ним, стоял Мудрец.

– В незапамятные времена, – говорил Мудрец, устремив взор на звезду, мерцавшую над самым горизонтом, – чародеям были известны тысячи заклинаний и любые пожелания кудесников исполнялись. Теперь Земля умирает – в распоряжении людей осталась лишь сотня заклинаний, дошедших до нас благодаря древним книгам... Есть, однако, один чудотворец по имени Панделюм – ему известны все заклинания, колдовские чары, магические формулы, руны и тавматургические обряды, какие когда-либо расчленили и претворяли пространство...

Мудрец замолчал, погрузившись в раздумье.

– Где он, этот Панделюм? – спросил через некоторое время Турджан.

– Он обитает в Эмбелионе, – ответил Мудрец, – но где находится эта страна, никто не знает.

– Как же его найти, если никто не знает, где он?

Мудрец усмехнулся:

– Если оно когда-нибудь кому-нибудь понадобится, существует заклинание, позволяющее перенестись в Эмбелион.

Оба помолчали, после чего Мудрец произнес, глядя куда-то поверх лесных крон:

– Панделюму можно задать любой вопрос – и он ответит, если вопрошающий сделает то, чего пожелает Панделюм. А выполнять желания Панделюма непросто.

Мудрец согласился показать Турджану упомянутое заклинание, обнаруженное им в папке древних документов и до тех пор никому другому не известное.

Вспомнив об этой беседе, Турджан спустился к себе в кабинет – продолговатое помещение с низким потолком, каменными стенами и каменным полом, утепленным толстым рыжеватым ковром. Тома, содержавшие доступные Турджану магические сведения, беспорядочно заполняли полки нескольких стеллажей; наиболее употребительные лежали на длинном столе из черной стали. Здесь были справочники из собраний чародеев прошлого, растрепанные фолианты Мудреца и переплетенные в кожу либрамы, испещренные слоговыми символами сотни могущественных заклинаний – настолько непреодолимых для непосвященных, что даже Турджан не был способен запомнить больше четырех одновременно.

Турджан отыскал затхлую папку и перелистал неподатливые толстые страницы до указанного Мудрецом места, где начиналось заклинание «Вызов неистового вихря». Глядя на символы древней формулы, он ощущал пульсирующую в них жгучую, настойчивую энергию – они словно пытались отделиться от пергамента в лихорадочном стремлении покинуть темное одиночество забвения.

Турджан закрыл папку, заставив заклинание вернуться в небытие. Накинув короткий голубой плащ, он засунул за пояс шпагу и надел на запястье браслет с вырезанной в камне руной Лаккодея. После этого он присел на скамью у стола и выбрал из реестра заклинания, которые ему следовало взять с собой. Так как характер предстоявших опасностей невозможно было предсказать, он запечатлел в памяти три формулы общего назначения: «Великолепный призматический спрыск», «Мантию-невидимку» Фандаала и «Заклятие замороженного времени».

Взойдя на парапеты замка, Турджан стоял под звездами, вдыхая воздух древней Земли... Сколько раз тот же воздух вдыхали другие? Какие крики боли наполняли этот воздух, какие вздохи, смех, воинственные кличи, торжествующие возгласы, изумленные восклицания?

Ночь подходила к концу. В лесной чаще мерещились голубоватые отсветы. Помолчав еще несколько секунд, Турджан наконец расправил плечи и провозгласил «Вызов неистового вихря».

Сначала ничто не нарушало тишину; затем послышался шорох, становившийся все громче и превратившийся в рев ураганного ветра. Посреди смерча появилось светлое волокно; конвульсивно утолщаясь, оно заполнялось клубящимся столбом мрака. Из глубины шквала раздался грубый басистый голос:

– Транзитное средство прибыло по вызову. Камо грядеши?

– В четырех направлениях, а затем в одном, – ответил Турджан. – Меня надлежит доставить в Эмбелион в целостности и сохранности.

Вихрь опустил и подхватил размахивающего руками и ногами, кувыркающегося Турджана ввысь и вдаль, на неизмеримое расстояние. Он мчался в четырех направлениях сразу, затем в одном, после чего, словно вытолкнутый из смерча пинком, растянулся на поверхности Эмбелиона.

Пошатываясь, почти оглушенный, Турджан поднялся на ноги. Мало-помалу он пришел в себя и осмотрелся.

Он стоял на берегу прозрачного пруда. Вокруг ног росли доходившие до щиколоток синие цветы, а за спиной виднелась роща высоких деревьев с сине-зеленой листвой, вершины которых мутнели в туманной дымке. Находился ли Эмбелион на Земле? Деревья напоминали земные, цветы казались знакомыми, воздух ничем не отличался от привычного... Тем не менее здесь чего-то недоставало – Турджан никак не мог понять, чего именно. Возможно, такое ощущение возникало из-за любопытной неопределенности горизонта – или в связи с каким-то свойством местного воздуха: в нем все выглядело слегка расплывчатым, слегка изменчивым, озаренным трепещущими бликами, как под водой. Самое странное зрелище, однако, открывалось при взгляде на небо, покрытое рябью гигантских пересекающихся, наплывающих одна на другую волн, рассеивавших мириады разноцветных лучей, переплетавшихся в чудесные ажурные кружева, в радужные сети, отливавшие всеми оттенками спектра подобно бесчисленным граням драгоценностей. По мере того как Турджан наблюдал за пертурбациями невероятного неба, над ним проносились пучки винно-красных, топазовых голубых, насыщенных фиолетовых, пылающих зеленых лучей. Он начинал сознать, что оттенки цветов и древесной листвы – не более чем мимолетные отражения состояния неба; цветы уже приобрели розовато-оранжевый оттенок, а кроны деревьев – дремотно-пурпурный. Цветы потемнели до медно-красного блеска, после чего стали ярко-каштановыми, а затем пунцовыми, в то время как деревья покрылись нежно-аквамариновой листвой.

– Никому не ведомо, где эта страна, – говорил себе Турджан. – Куда занес меня волшебный вихрь? К далекой звезде? В бездну другого измерения? В мир, существовавший до начала всего сущего? Или, напротив, в тот мир, где сознание прозябает после смерти?

Когда он присматривался к горизонту, ему казалось, что он видит выступающую из-за горизонта и пропадающую в непроглядном тумане черную завесу – судя по всему, эта завеса окружала Эмбелион со всех сторон.

Послышался топот галопирующих копыт – обернувшись, Турджан увидел черного коня, несущегося на всем скаку по берегу пруда. Животное погоняла молодая женщина с дико развевающимися черными волосами. На ней были свободные белые бриджи до колен и плещущий на ветру желтый плащ. Левой рукой она держала поводья, правой – сверкающую шпагу.

Турджан опасливо попятился – девушка плотно сжала побледневшие губы, словно была чем-то разгневана, глаза ее горели странным лихорадочным пылом. Натянув поводья, незнакомка развернула коня, заставив его подняться на дыбы, и понеслась к Турджану, замахнувшись шпагой и явно намереваясь отсечь ему голову.

Турджан отскочил и выхватил шпагу. Когда наездница атаковала его снова, он отразил удар и, наклонившись вперед, уколол ее в предплечье – выступила капля крови. Девушка изумленно отшатнулась, но тут же подняла лук, висевший на седле, вставила стрелу и натянула тетиву. Турджан бросился к ней, уклонившись от выстрела и от растерянного взмаха шпагой, схватил девушку за талию и стащил на землю.

Она бешено сопротивлялась. Турджан не хотел ее убивать, в связи с чем ему пришлось с ней бороться, в какой-то степени поступившись достоинством. В конце концов ему удалось заломить ей руки за спину – девушка больше не могла защищаться.

– Успокойся, ведьма! – прикрикнул на нее Турджан. – А не то я потеряю терпение и оглушу тебя одним ударом!

– Делай что хочешь, – задыхаясь, прошипела незнакомка. – Жизнь и смерть – сестры-близнецы!

– Почему ты на меня напала? – недоумевал Турджан. – Я тебе ничего не сделал.

– Ты – исчадие зла, как и все в этом мире! – От волнения у нее на шее напряглись тонкие жилы. – Если бы я могла, я раскрошила бы всю Вселенную в окровавленный щебень и скакала бы на нем, пока он не превратился бы в бесформенную первородную грязь!

Удивленный такой ненавистью, Турджан слегка ослабил хватку, и пленница едва не вырвалась. Но он успел удержать ее:

– Скажи – где найти Панделюма?

Девушка прекратила попытки высвободиться, взглянула Турджану в глаза и сказала:

– Ищи по всему Эмбелиону. Ничем я тебе не помогу!

«Если бы она вела себя поприветливее, – подумал Турджан, – ей нельзя было бы отказать в исключительной привлекательности».

Вслух он произнес:

– Говори, где найти Панделюма! Иначе я найду тебе другое применение.

Она немного помолчала, глядя в небо сумасшедшим пламенным взором, после чего ответила звенящим голосом:

– Панделюм живет рядом, у ручья.

Турджан отпустил ее, предусмотрительно отобрав у нее шпагу и лук:

– Если я верну тебе оружие, ты оставишь меня в покое?

Бросив на него возмущенный взгляд, она молча вскочила на коня и ускакала в лес.

Турджан смотрел ей вслед, пока наездница не исчезла за стволами, переливавшимися бликами подобно самоцветам, после чего повернулся и ушел в противоположном направлении – туда, где в пруд впадал ручей. Вскоре он заметил перед вереницей темных деревьев продолговатую приземистую усадьбу из красного камня. Как только он подошел ближе, входная дверь распахнулась. Турджан настороженно замер.

– Входи! – услышался голос. – Входи, Турджан из Миира!

Продолжая дивиться происходящему, Турджан зашел в усадьбу Панделюма. Он оказался в помещении, пол и стены которого украшали орнаментальные ковры; здесь не было никакой мебели, кроме одного небольшого дивана. Ему навстречу никто не вышел. В стене напротив была закрытая дверь; Турджан уже приготовился ее открыть, когда голос заговорил снова:

– Стой, Турджан! Никому не дозволено видеть Панделюма. Таков закон.

Отступив от внутренней двери, Турджан обратился к невидимому хозяину усадьбы:

– Панделюм! Моя задача состоит в следующем. Уже много лет я пытаюсь сотворить человеческое существо в растительных чанах. И каждый раз меня постигает неудача, так как мне не хватает фактора, развивающего органы и ткани в надлежащем порядке и в надлежащих пропорциях. Можно предположить, что тебе известна такая контролирующая матрица. Поэтому я обращаюсь к тебе за советом.

– Буду рад тебе помочь, – ответил Панделюм. – С оказанием помощи, однако, связан дополнительный, но существенный вопрос. Вселенная упорядочена посредством симметрии и равновесия. Каждому аспекту бытия соответствует равновеликий противоположный аспект. Следовательно, даже в узких рамках нашей тривиальной сделки необходимо обеспечить эквивалентность противоположностей. Только так, и никак иначе. Я согласен оказать тебе содействие; следовательно, ты должен оказать мне равноценную услугу. Как только ты справишься с моим пустячным поручением, я предоставлю тебе все интересующие тебя инструкции и рекомендации, к твоему полному удовлетворению.

– В чем может заключаться такое поручение? – поинтересовался Турджан.

– В Асколаисе, недалеко от замка Миир, живет один человек. У него на шее висит амулет, вырезанный из синего камня. Возьми у него этот амулет и принеси его мне.

Турджан задумался.

– Хорошо! – сказал он наконец. – Сделаю все, что смогу. Кто этот человек?

Панделюм ответил тихо и мягко:

– Принц Кандив Златокудрий.

– А! – Турджан горестно вздохнул. – Ты не мог придумать ничего неприятнее... Тем не менее, как я уже упомянул, я сделаю все, что смогу.

– Прекрасно! – сказал Панделюм. – А теперь я должен тебя подготовить. Кандив прячет амулет под нательной рубашкой. Когда принц замечает врага, он вынимает амулет из-под рубашки, и камень открыто висит у него на груди. Это могущественный талисман! Ни в коем случае не смотри на него ни до, ни после того, как ты его возьмешь – в противном случае неизбежны самые ужасные последствия.

– Понятно, – кивнул Турджан. – Не забуду соблюдать осторожность. У меня есть еще один вопрос – надеюсь, я смогу получить на него ответ, не спустив предварительно Луну на Землю и не дистиллируя в колбе эликсир, который ты случайно пролил в море.

Панделюм расхохотался:

– Спрашивай! Я отвечу.

Турджан задал вопрос:

– Как только я приземлился неподалеку от твоего жилища, меня попыталась убить женщина, находившаяся в состоянии безумной ярости. Я не позволил ей это сделать, и она удалилась, кипя от возмущения. Кто эта женщина и почему она ненавидит все вокруг?

Панделюма вопрос явно позабавил.

– У меня тоже есть растительные чаны, – пояснил он, – в которых формируются различные одушевленные существа. Я сотворил эту девушку по имени Тсаис, но при этом не уделил синтезу достаточного внимания. Уже к тому времени, когда она вылезла из питательного раствора, у нее в мозгу сложилось извращенное восприятие действительности: то, что нам кажется прекрасным, ей представляется отвратительным и уродливым, а то, что нам кажется уродливым, в ее глазах становится непереносимо гнусным и мерзким – в такой степени, что мы не можем даже вообразить интенсивность ее эмоций. Все в этом мире вызывает у нее жестокие мучения, а все населяющие его существа, с ее точки зрения, руководствуются самыми злобными и подлыми побуждениями.

– Вот оно что! – пробормотал Турджан. – Достойный сожаления просчет!

– А теперь, – деловито продолжал Панделюм, – тебе пора в Кайин, знамения благоприятны... Через несколько секунд открой эту дверь, войди и встань на участке пола, покрытом рунами.

Турджан выполнил эти указания. Следующее помещение оказалось круглым в плане, с высоким куполом; световые колодцы пропускали каскады изменчивых разноцветных лучей Эмбелиона. Как только Турджан встал на каменную плиту с вырезанными на ней рунами, Панделюм снова заговорил:

– Теперь закрой глаза, потому что мне нужно войти и прикоснуться к тебе. Ни в коем случае, однако, не пытайся на меня взглянуть!

Турджан закрыл глаза. Через некоторое время у него за спиной послышался шорох шагов.

– Протяни руку в сторону, ладонью вверх! – приказал голос. Турджан подчинился и почувствовал на ладони какой-то твердый предмет. – Когда ты исполнишь поручение, – продолжал голос, – раздави этот кристалл в кулаке – и ты сразу вернешься в это помещение.

На плечо Турджана легла холодная рука.

– Через мгновение ты заснешь, – сказал Панделюм. – И проснешься в столичном городе Кайине.

Рука отпустила плечо Турджана. Он стоял, ожидая перемещения. У него закружилась голова. Воздух внезапно наполнился звуками – невнятным шумом разговоров, перезвоном множества колокольчиков, музыкой, возгласами. Турджан поджал губы и нахмурился: странно, что в аскетическом жилище Панделюма начался такой бедлам!

Рядом раздался громкий женский голос:

– Посмотри, Сантаниль, на этого чудака! Зажмурился, как филин, не хочет видеть, как другие веселятся!

Спутник женщины рассмеялся, но тут же осекся и пробормотал:

– Пойдем отсюда! Он явно чем-то огорчен и может взбеситься. Пойдем!

Поколебавшись, Турджан открыл глаза. В белокаменном Кайине шумела очередная праздничная ночь. Подгоняемые легким ветерком, в небе беспорядочно плыли оранжевые фонари. С балконов свисали гирлянды цветов и стеклянные золоченые клетки с голубыми светлячками. По улицам бродили толпы разгоряченных вином горожан в причудливых костюмах. За мелантинским шкипером следовал боец Зеленого легиона Вальдарана, а им навстречу шагал другой представитель воинственной древности в старинном шлеме. На небольшой огороженной площадке украшенная цветочными ожерельями куртизанка с Кочикского побережья исполняла под музыку флейт «Танец четырнадцати шелковых па». В тени балкона девушка в наряде дикарки из Восточной Альмерии обнималась с выкрасившим кожу в угольно-черный цвет бородачом в кожаной сбруе лесного деоданда. Как веселились люди престарелой Земли! Они лихорадочно наслаждались жизнью – ибо скоро, когда красное Солнце мигнет наконец в последний раз и потухнет, должна была наступить вечная ночь.

Турджан слился с толпой. Проходя мимо таверны, он завернул туда и подкрепился печеньем со стаканом вина, после чего направился дальше, к дворцу Кандива Златокудрого.

Перед ним возвышался дворец – все окна, все балконы были озарены внутренним светом. Здесь пировали и веселились столичные лорды. «Если принц Кандив пьян и утомился танцами, – размышлял Турджан, – похитить амулет будет не так уж трудно». Тем не менее Турджан не мог просто так явиться во дворец – в Кайине его многие знали. Поэтому, пробормотав заклинание, он вызвал мантию Фандаала и тут же исчез, невидимый для всех, кроме себя самого.

Он проскользнул под аркой входного портала в парадный зал, где лорды Кайина забавлялись так же шумно, как уличная толпа. Турджан лавировал в радужной суматохе шелковых, вельветовых, атласных одежд, насмешливо поглядывая на флиртующие парочки. Иные гости принца стояли на террасе и смотрели вниз, в глубокий бассейн, где плавали, фыркая и угрожающе поглядывая вверх, два пойманных в лесу матово-черных деоданда; другие бросали оперенные дротики в распятое тело молодой ведьмы с Кобальтовой горы. В альковах украшенные цветами девушки предлагали старцам-астматикам радости синтетической любви; на роскошных ложах распластались любители счастливых снов, отупевшие от наркотических порошков. Нигде, однако, Турджан не видел принца. Он бродил по дворцу из одного зала в другой, пока наконец не заметил в гостиной верхнего этажа высокого человека с золотистой бородой – принца Кандива, развалившегося на софе в компании зеленоглазой девочки в маскарадной маске, с бледно-зелеными волосами.

Интуиция – и, возможно, талисман – предупредила Кандива о появлении невидимого Турджана, бесшумно раздвинувшего багровые портьеры. Принц вскочил на ноги.

– Прочь! – приказал он девочке. – Уходи, быстро! Я чувствую предательство, оно уже близко! Уходи, или мои чары уничтожат тебя вместе с предателем!

Девочка поспешно покинула гостиную. Кандив взялся за цепочку на шее и вытащил спрятанный амулет, но Турджан успел прикрыть глаза.

Кандив произнес могущественное заклинание, освобождавшее все окружавшее его пространство от любых искажений. Мантия Фандаала рассеялась, и Турджан перестал быть невидимкой.

– Турджан из Миира прокрался во дворец! – рявкнул принц.

– Смерть готова сорваться с моих уст! – пригрозил Турджан. – Повернись ко мне спиной, Кандив, или я скажу пару слов – и тебя проткнет моя шпага!

Принц сделал вид, что готов подчиниться, но вместо этого выкрикнул заклинание, окружившее его «Непроницаемой сферой».

– А теперь я позову охрану, Турджан! – презрительно обронил Кандив Златокудрый. – И тебя сбросят в бассейн к деодандам.

Кандив не знал, что древняя руна, вырезанная в камне браслета на запястье Турджана, – талисман не менее могущественный, чем убийственный амулет принца, – создавала поле, преодолевавшее любые известные людям чары. Продолжая прикрывать глаза ладонью, Турджан шагнул внутрь искристой сферы. Большие голубые глаза принца выпучились.

– Зови охранников! – сказал Турджан. – Они найдут твоё тело, разрисованное ветвистыми следами молний!

– *Твоё* тело, Турджан! – воскликнул принц и торопливо произнес заклинание. В то же мгновение ослепительные зазубренные разряды великолепного призматического спрыска пронзили воздух, окружив Турджана со всех сторон. Кандив наблюдал за яростным фейерверком, мстительно оскалил зубы, но торжествующее выражение тут же сменилось на его лице испугом. В сантиметре от кожи Турджана огненные стрелы рассеялись сотнями облачков серого дыма.

– Повернись спиной, Кандив! – повторил Турджан. – Твои чары – детские фокусы в силовом поле руны Лаккоделя.

Но принц шагнул к стене – там была устроена замаскированная пружина.

– Стой! – закричал Турджан. – Ещё один шаг, и спрыск расщепит тебя на тысячу ошметков!

Кандив застыл. Дрожа от бессильной злобы, он повернулся спиной к Турджану, а тот, быстро шагнув вперед, протянул руку к шее принца, схватил амулет и сорвал его вместе с цепочкой. Амулет дрожал в руке, сквозь пальцы сжатого кулака просвечивало мертвенно-голубое сияние. Ум Турджана помрачился, в ушах его зазвучали алчные, настойчивые голоса... Турджан отвернулся: в глазах прояснилось. Он отступил от Кандива, засовывая амулет в поясную сумку. Кандив спросил:

– Могу ли я теперь повернуться к тебе лицом, не подвергая опасности свою жизнь?

– Можешь, – отозвался Турджан, застегивая сумку. Заметив, что Турджан отвлекся, принц Кандив как бы ненароком сделал второй шаг к стене и взялся рукой за пружину.

– Турджан! – сказал принц. – Ты погиб. Ты не успеешь заикнуться, как под тобой разверзнется пол и ты упадешь в глубокое подземелье. Способны ли твои чары нейтрализовать силу притяжения?

Турджан замер, глядя в раскрасневшуюся, обрамленную золотистыми кудрями физиономию принца, после чего робко опустил глаза и покачал головой:

– Ах, Кандив! Ты меня перехитрил. Если я верну тебе амулет, ты меня отпустишь?

– Брось амулет к моим ногам! – торжествующе приказал принц. – Кроме того, отдай мне руны Лаккоделя. После этого, может быть, я тебя помилую – мы еще посмотрим.

– Даже руны? – спросил Турджан, заставляя себя говорить дрожащим, жалобным голосом.

– Руны – или жизнь!

Турджан опустил руку в поясную сумку и сжал в кулаке кристалл, полученный от Панделюма. Вынув руку из сумки, он приложил кристалл к эфесу шпаги.

– Нет, Кандив! – сказал он. – Я разгадал твой обман. Ты надеешься запугать меня пустыми угрозами. Не выйдет!

Принц пожал плечами:

– Что ж, умри!

Он нажал на пружину. Пол раскрылся, и Турджан исчез в провале. Но когда Кандив Златокудрый поспешно спустился в подземелье, чтобы обыскать труп Турджана, он никого и

ничего не нашел – и провел остаток ночи в мрачных раздумьях, опорожня один бокал вина за другим и время от времени стуча кулаком по столу.

Турджан опять оказался в круглом помещении усадьбы Панделюма. Разноцветные лучи Эмбелиона струились ему на плечи из световых колодцев: синие, как сапфиры, желтые, как лепестки ноготков, кроваво-красные. Турджан прислушался: ни звука. Он сошел с каменной плиты, покрытой рунами, тревожно поглядывая на дверь – вдруг Панделюм зайдет в помещение, не подозревая о его прибытии?

– Панделюм! – позвал Турджан. – Я вернулся!

Ответа не было. Во всей усадьбе царила мертвая тишина. Турджану хотелось выйти – куда-нибудь, где подавляющий дух волшебства меньше стеснял бы его движения и мысли. Он посмотрел по сторонам – одна дверь вела в приемную с диваном и коврами. Он не знал, куда вели другие двери. Та, что справа, скорее всего, позволяла выйти наружу – Турджан уже положил руку на засов, чтобы открыть его. Но задержался. Что, если он ошибается и ему станет известна внешность Панделюма? Не предусмотрительнее ли подождать здесь или в приемной?

Ему пришло в голову простое решение проблемы. Повернувшись к двери спиной, он распахнул ее и сделал пару шагов назад.

– Панделюм! – снова позвал он.

За спиной послышался тихий прерывистый звук – казалось, кто-то тяжело дышал. Турджан испугался, снова зашел в светлое круглое помещение и закрыл за собой дверь.

Приготовившись терпеливо ждать, он присел на пол.

Из соседней комнаты донесся хриплый возглас:

– Турджан? Ты здесь?

Турджан вскочил:

– Да, я вернулся с амулетом!

– Скорее! – задыхаясь, произнес голос. – Прикрой глаза рукой, повесь амулет на шею и входи.

Невольно заразившись настойчивой тревогой, звучавшей в голосе, Турджан закрыл глаза и разместил амулет на груди. Нащупав дверь, он распахнул ее.

Какое-то мгновение продолжалось напряженное молчание потрясения, после чего разразился ужасный визгливый вопль, настолько дикий и демонический, что Турджан чуть не упал в обморок – у него звенело в ушах. Казалось, воздух сотрясали взмахи гигантских крыльев, что-то громко шипело, что-то скрежетало, как металл. На Турджана налетел глухо ревущий порыв ледяного ветра. Что-то еще раз прошипело – и наступила тишина.

– Позволь выразить тебе мою благодарность, – прозвучал спокойный голос Панделюма. – Не так уж часто мне случалось оказываться в настолько отчаянном положении, и без твоей помощи, возможно, мне не удалось бы изгнать это исчадие ада.

Рука сняла амулет с шеи Турджана. Панделюм замолчал, но вскоре заговорил снова – на этот раз издали:

– Теперь ты можешь открыть глаза.

Турджан подчинился. Он находился в лаборатории Панделюма; помимо прочих устройств и механизмов, он сразу заметил растительные чаны – почти такие же, как у него.

– Не буду больше тебя благодарить, – продолжал Панделюм, – но во имя поддержания надлежащего равновесия во Вселенной отплату тебе услугой за услугу. Я не только покажу тебе, как работать с растительными чанами, но и сообщу другие полезные сведения.

Таким образом, Турджан стал подмастерьем Панделюма. Весь день и до глубокой переливчатой эмбелионской ночи он работал под невидимым руководством чародея. Он узнал секрет возвращения юности, выучил множество древних заклинаний, а также постиг основы причудливой абстрактной дисциплины, которую Панделюм называл «математикой».

– Сфера математики охватывает всю Вселенную, – пояснял Панделюм. – Само по себе это средство пассивно и не является волшебством, но оно позволяет пролить свет на сущность любой проблемы, каждой фазы бытия и всех тайн пространства-времени. В наших заклинаниях и рунах используется могущество математики – в основе мозаики процессов, которые мы называем «магией», лежат математически закодированные формулы. О первоисточниках, порождающих эту мозаику, мы даже не догадываемся – все наши познания носят дидактический, эмпирический, спорадический характер. Фандаалу удалось угадать некую закономерность, благодаря чему он сформулировал многие заклинания, названные в его честь. На протяжении тысячелетий я стремился проникнуть через туманное стекло этой истины, но до сих пор мои поиски ни к чему не привели. Тот, кто откроет эту закономерность, станет властелином всех чар – человеком, власть которого превзойдет любые потуги воображения.

Турджан прилежно приступил к поглощению знаний и усвоил многие математические методы.

– В математике я нахожу чудесную красоту, – говорил Панделюму Турджан. – Это не наука, это искусство: уравнения складываются из элементов, как разрешения последовательностей аккордов, и при этом постоянно сохраняется симметрия, очевидная или подспудная, но всегда хрустально безмятежная.

Несмотря на прочие занятия, большую часть времени Турджан посвящал работе с растительными чанами под руководством Панделюма и добился в этом отношении желаемого мастерства. В качестве развлечения он сформировал девушку экзотической внешности и нарек ее Флориэлью. Ему почему-то запомнилась прическа девочки, которую он застал праздничной ночью в обществе принца Кандива, и он наделил свое создание бледно-зелеными волосами. У Флориэли были большие изумрудные глаза и кожа оттенка кремового загара. Когда он помогал ей, влажной и безукоризненно сложенной, подняться из чана, Турджан был опьянен радостью. Флориэль быстро училась и вскоре могла уже говорить с Турджаном. Она отличалась мечтательным и томным нравом – ей больше всего нравилось гулять среди цветов на лугу или молча сидеть на берегу ручья; тем не менее ее существование доставляло Турджану удовольствие, его забавляли ее изысканно-нежные манеры.

Но однажды мимо проезжала на коне черноволосая Тсаис – поблескивая непреклонно ненавидящими глазами, она косила шпагой цветы. Неподалеку бродила невинная Флориэль. Тсаис воскликнула:

– Зеленоглазая женщина! Твоя внешность меня ужасает, ты заслуживаешь смерти! – и отрубила ей голову таким же движением, каким рубила цветы.

Услышав топот копыт, Турджан вышел из лаборатории – как раз в тот момент, когда Тсаис вершила кровавую расправу. Турджан побледнел от ярости; с его уст готово было сорваться скручивающее шею проклятие. Тсаис обернулась к нему и злобно выругалась; на ее искаженном лице, в ее темных глазах отражались мучительная тоска и непокорный дух, заставлявший ее бросать вызов судьбе и жить несмотря ни на что. В Турджане боролись противоречивые чувства, но в конце концов он позволил Тсаис ускакать прочь. Похоронив Флориэль на берегу ручья, он попробовал забыть ее, с головой погрузившись в исследования.

Через несколько дней он поднял голову и спросил:

– Панделюм, ты здесь?

– Что тебе угодно, Турджан?

– Ты упомянул о том, что, когда ты формировал Тсаис, у нее в мозгу возникло нарушение. Теперь я хотел бы создать девушку, такую же как она, столь же страстную и порывистую, но со здоровым духом в здоровом теле.

– Будь по-твоему, – безразлично отозвался Панделюм и продиктовал Турджану программу.

И Турджан стал выращивать сестру неистой Тсаис, день за днем наблюдая за тем, как формировались такое же стройное тело, те же гордые черты.

Когда пришло время, она села в чане, открыв лучистые жизнерадостные глаза. У Турджана захватило дыхание – он поспешил помочь ей спуститься на пол.

Она стояла перед ним – влажная и обнаженная сестра Тсаис. Но лицо Тсаис подергивалось от ненависти, а спокойное лицо ее сестры готово было радоваться жизни; глаза Тсаис пылали яростью, а в глазах ее сестры сверкали искры воображения.

Турджан дивился совершенству своего создания.

– Тебя зовут Тсаин, – сказал он. – И я уже знаю, что ты станешь частью моей жизни.

Он забросил все дела, чтобы учить Тсаин – и она училась с чудесной быстротой.

– Скоро мы вернемся на Землю, – сообщил он ей. – В мой дом над широкой рекой в лесистой стране Асколаис.

– На Земле небо тоже переливается цветами радуги? – спросила Тсаин.

– Нет, – ответил Турджан. – Земное небо – бездонная темная синева, и в этой синеве движется древнее красное Солнце. Когда наступает ночь, в небе загораются звезды – они образуют созвездия, я тебе их покажу. Эмбелион прекрасен, но Земля обширна, ее горизонты простираются в таинственную даль. Как только Панделиум мне позволит, мы вернемся на Землю.

Тсаин любила купаться в ручье; Турджан иногда спускался с ней на берег и мечтательно забавлялся, обрызгивая девушку водой и бросая в ручей камешки. Он предупредил Тсаин об опасности, исходившей от ее сестры, и она обещала сохранять бдительность.

Но в один прекрасный день, когда Турджан уже готовился к отбытию, она ушла по лугам дальше обычного, забывшись в созерцании спектральных переливов неба, величественных высоких деревьев с утопающими в туманной дымке кронами, изменчивых цветов у нее под ногами; она смотрела на мир с изумлением, доступным только тем, кто недавно встал из растительного чана. Тсаин поднялась и спустилась по нескольким склонам, после чего зашла в тенистый лес, где журчал еще один ручей. Напившись прохладной воды, Тсаин прошла дальше по берегу и вскоре заметила небольшую землянку.

Дверь хижины была открыта. Тсаин заглянула внутрь – ей хотелось знать, кто там живет. Но землянка пустовала; единственными предметами в ней были аккуратная циновка из травы, полка с простой посудой из дерева и олова, а также стол, на котором стояла корзина с орехами.

Тсаин повернулась, чтобы уйти, но тут же услышала топот копыт, угрожающе приближавшийся, как дробь барабана судьбы. Черный конь остановился прямо перед ней. Тсаин робко отступила в хижину – все предупреждения Турджана пронеслись у нее в памяти. Но Тсаис спешила и направилась к ней со шпагой наготове. Она уже замахнулась, чтобы нанести удар, когда глаза двух девушек встретились – и Тсаис удивленно замерла.

Если бы кто-нибудь стал свидетелем этой сцены, ему пришлось бы в голову, что никто никогда не видел ничего подобного. Две одинаковые красавицы в одинаковых белых бриджах, подвязанных на талии, с одинаково горящими глазами и растрепанными черными волосами, одинаково стройные и бледные, стояли лицом к лицу – но лицо одной выражало ненависть к каждому атому мироздания, тогда как лицо другой с восхищением приветствовало жизнь.

Тсаис обрела дар речи:

– Как это может быть, ведьма? Мы похожи как две капли воды, но ты – не я. Или на меня снизошло наконец благословение безумия, чтобы помрачить мое восприятие мира?

Тсаин покачала головой:

– Меня зовут Тсаин. Ты, Тсаис, – моя сестра, мы близнецы. Поэтому я должна тебя любить, а ты должна любить меня.

– Любить? Я не люблю никого и ничего! Я должна тебя убить и тем самым избавить мир от еще одного исчадия зла! – Она снова замахнулась шпагой.

– Нет! – отчаянно вскрикнула Тсаин. – Почему ты желаешь мне зла? Я не сделала ничего плохого!

– Плохо уже то, что ты существуешь! Кроме того, ты издеваешься надо мной и оскорбляешь меня, явившись сюда в моем безобразном обличье!

Тсаин рассмеялась:

– Безобразном? Этого не может быть. Турджан говорит, что я – красавица. Поэтому ты – тоже красавица.

Бледное лицо Тсаис окаменело:

– Ты надо мной смеешься.

– Ни в коем случае! Ты на самом деле прекрасна.

Острые шпаги Тсаис опустились к земле. Ее лицо расслабилось, стало задумчивым:

– Красота! Что такое красота? Может ли быть, что я лишена способности видеть, как все, что какой-то демон искажает мое зрение? Скажи мне: как увидеть красоту?

– Не знаю, – призналась Тсаин. – Для меня это очень просто. Разве радужные переливы неба не прекрасны?

Тсаис с изумлением посмотрела вверх:

– Эти режущие глаза сполохи? Они вызывают либо раздражение, либо уныние, но в любом случае омерзительны.

– Смотри, как изящны эти цветы – хрупкие, очаровательные!

– Паразиты! Причем они отвратительно воняют.

Тсаин была в замешательстве:

– Не знаю, как объяснить тебе красоту. По-моему, ты ничему не радуешься. Что-нибудь приносит тебе удовлетворение?

– Только убийство и разрушение. Надо полагать, в убийстве и разрушении есть красота.

Тсаин нахмурилась:

– Я сказала бы, что убийство и разрушение – это зло.

– Ты на самом деле так думаешь?

– Я в этом убеждена.

Тсаис снова задумалась:

– Как же я могу решить, что мне следует делать? Я знала, что делать – а теперь ты говоришь, что это зло!

Тсаин пожала плечами:

– Я прожила всего несколько дней, мне не хватает мудрости. Но я знаю, что все живое появляется на свет, чтобы жить. Турджан мог бы тебе это объяснить гораздо лучше меня.

– Кто такой Турджан? – поинтересовалась Тсаис.

– Очень добрый человек, – отозвалась Тсаин. – Я его очень люблю. Мы скоро улетим на Землю, где небо – огромное, глубокое и темно-синее.

– На Землю... Если бы я улетела на Землю, смогла бы я найти красоту и любовь?

– Может быть. Твой мозг способен понять красоту, а твоя собственная красота привлечет любовь.

– Тогда я больше не буду убивать – невзирая на отвращение ко всему, что я вижу. Я попрошу Панделюма отправить меня на Землю.

Тсаин сделала шаг вперед, обняла Тсаис и поцеловала ее:

– Ты – моя сестра, и я тебя буду любить.

Тсаис оцепенела.

– Разорви ее на куски! Проткни шпагой! Укуси ее! – кричал ее мозг, но какое-то другое, более глубокое побуждение начало согревать ее взволнованную кровь, исходя из каждой клетки тела, и наполнило ее внезапной волной теплоты. Тсаис улыбнулась: – Хорошо! Я люблю тебя, сестра моя! Я больше не буду убивать, я найду и познаю красоту на Земле – или умру.

Тсаис вскочила в седло и ускакала прочь, чтобы искать любовь и красоту на Земле.

Тсаин стояла у входа в землянку, провожая глазами сестру, удалявшуюся в переливающийся радужными бликами лес. Кто-то позвал ее – к ней спешил Турджан.

– Тсаин! Эта сумасшедшая на тебя напала? – Он не стал дожидаться ответа. – Довольно! Я испепелю ее одним проклятием, чтобы она больше никому не причиняла боль!

Он повернулся лицом к лесу, чтобы произнести ужасное заклинание огненной струи, но Тсаин зажала ему рот:

– Нет, Турджан, молчи! Она обещала больше не убивать. Она попросит Панделюма отправить ее на Землю, где она будет искать то, чего не может найти в Эмбелионе.

Турджан и Тсаин стояли и смотрели вслед фигуре наездницы, исчезающей за стволами где-то в многоцветных холмах.

– Турджан! – сказала Тсаин.

– Я тебя слушаю.

– Когда мы будем на Земле, ты найдешь мне черного коня – такого, как у Тсаис?

Турджан рассмеялся:

– Конечно!

И они направились обратно к усадьбе Панделюма.

Тсаис

Выезжая из рощи, Тсаис придержала коня. словно в нерешительности она смотрела на переливающийся пастельными тонами луг, спускавшийся к ручью... Понукаемый легким движением ее коленей, черный конь неспешно засеменил по лугу.

Девушка ехала, глубоко задумавшись, а над ней, как по возбужденному порывам ветра водному пространству, по небу бежали, распространяя огромные тени от горизонта до горизонта, расходящиеся и пересекающиеся волны. Небесный свет, преобразованный и преломленный, заливал землю тысячами оттенков – пока Тсаис ехала, ее озаряли то зеленые, то ультрамариновые, то светло-голубые, как топаз, то рубиновые лучи, и по всему ландшафту вокруг плыли, как по вечно изменчивой изысканной палитре, размытые полосы той же спектральной ряби.

Тсаис зажмурилась, чтобы не видеть радужных наплывов. Они жгуче раздражали ее нервы и приводили в замешательство зрительное восприятие. Красные лучи обжигали, зеленые – душили, синие и пурпурные намекали на непознаваемые тайны. Вся Вселенная будто предназначена была причинять ей мучения и возбуждать в ней дикую ярость... Мимо пролетела бабочка с узором крыльев, напоминавшим драгоценный ковер, и Тсаис замахнулась шпателью, чтобы рассеять ее. Но она сдержалась, приложив при этом огромное усилие – ибо Тсаис была свойственна страстная натура, не расположенная к сдержанности. Она смотрела вниз, на цветы под копытами коня – бледные ромашки, голубые колокольчики, рыжие выюнки, оранжевые астры. Но она больше не растапывала их в крошево, не вырывала их с корнями. Ей объяснили, что Вселенная не заслуживала наказания, что такова была ошибка ее собственного мироощущения. Подавляя в себе пылающую ненависть к бабочке, к цветам и к брезжащему спектральными волнами небу, Тсаис продолжала путь.

Перед ней луг окаймляла роща темных деревьев, а за ней можно было заметить поросли тростника и блеск воды – оттенки разных частей пейзажа постоянно менялись, отражая состояние неба. Тсаис повернула коня и поехала по берегу ручья к продолговатой приземистой усадьбе.

Спешившись, она медленно прошла к двери из черного закопченного дерева. На двери висела резная издевательская маска. Тсаис потянула маску за язык – прозвенел колокольчик.

Никто не отозвался.

– Панделюм! – позвала Тсаис.

Через некоторое время послышался приглушенный ответ:

– Заходи.

Тсаис распахнула дверь и зашла в помещение с высоким потолком, где, помимо небольшого мягкого дивана, не было ничего, кроме потертых ковров.

Из-за стены донесся голос – мягкий, полный безграничной печали:

– Что тебе нужно?

– Панделюм, сегодня я узнала, что убийство – это зло, что мои глаза меня обманывают и что там, где я вижу только режущие взор цветные пятна и отвратительное уродство, другие видят красоту.

Панделюм помолчал, после чего снова послышался его приглушенный голос; чародей согласился удовлетворить невысказанную просьбу о разъяснении:

– То, о чем ты говоришь, по большей части верно. Если у живых существ есть какое-нибудь право, это право на жизнь. Жизнь – их единственное на самом деле драгоценное имущество, и похищение жизни хуже любого другого грабежа... Что же касается другой проблемы, то здесь ты ни в чем не виновата. Красота – повсюду, ей могут восхищаться все, кто наделен зрением, – все, кроме тебя. Меня это огорчает, потому что я тебя создал. Я сконструировал твою исходную клетку, я наложил печать, определившую закономерности развития твоего тела и твоего мозга. Однако, несмотря на свое мастерство, я допустил ошибку. Когда ты выступила из растительного чана, я обнаружил, что в твоём мозгу возникло нарушение, что для тебя красота выглядит как уродство, а добро тебе кажется злом. Настоящее уродство, настоящее зло ты никогда не видела, ибо в Эмбелионе нет ничего отвратительного, ничего подлого. Если бы тебе действительно привелось столкнуться с уродством или злом... боюсь, это привело бы к помешательству.

– Разве ты не можешь меня изменить? – воскликнула Тсаис. – Ты же чародей! Неужели я обречена на безрадостное существование до конца своих дней?

Из-за стены донесся едва слышный вздох:

– Да, я чародей. Мне известны все заклинания, изобретенные по сей день, все заколдованные руны, магические формулы, чудесные механизмы, заговоры, амулеты и талисманы. Я – магистр математики, первый с тех пор, как погиб Фандаал. Тем не менее я не могу изменить твой мозг, не уничтожив при этом твой разум, твою личность, твою память – называй это как хочешь, – потому что я не бог. Бог мог бы воплотить в жизнь любое желание, но мне приходится довольствоваться магией – формулами, вызывающими резонанс, искажая пространство.

Глаза Тсаис, заискрившиеся было надеждой, потухли.

– Я хочу оказаться на Земле, – помолчав, сказала она. – На Земле неподвижно-синее небо, и над горизонтами движется красное Солнце. Я устала от Эмбелиона. Здесь никто ничего не говорит, кроме тебя.

– Земля... – задумчиво протянул Панделюм. – Сумрачная планета неопишущей древности. Когда-то это был гордый мир с заоблачными вершинами гор и блестящими лентами рек, а Солнце горело, как ослепительный белый шар. Но бесконечные века дождей и ветров раскрошили и размыли гранит, а Солнце стало тусклым и красным. Континенты погружались в океаны и снова поднимались. Вырастали башни миллионов городов – и обрушивались, превращаясь в прах. Теперь там, где плодились и размножались древние народы, живут от силы несколько тысяч человек. И на Земле есть зло – зло, утонченное и дистиллированное временем... Земля умирает, и в сумерках бытия... – чародей замолчал.

– И все же, – с сомнением сказала Тсаис, – я слышала, что на Земле много красоты. Я хочу познать красоту, даже если для этого мне придется умереть.

– Как ты узнаешь красоту, когда ее увидишь?

– Все человеческие существа способны познавать красоту. Ведь я – человеческое существо?

– Несомненно.

– Тогда я найду красоту и, может быть, даже... – Тсаис не смогла произнести слово, слишком чуждое ее уму, слишком чреватое тревожными, приводящими в замешательство последствиями.

Панделюм долго молчал. Наконец он сказал:

– Отправляйся на Землю, если хочешь. Я помогу тебе в меру своих возможностей. Ты получишь от меня руны, предохраняющие от магии. Я одушеворю твою шпагу. Кроме того, я дам тебе совет, и он заключается в следующем: не доверяй мужчинам, ибо мужчины расхищают красоту, чтобы удовлетворять похоть. Не вступай в близость ни с кем... Я дам тебе драгоценности – на Земле они сделают тебя богатой. Пользуясь ими, ты сможешь многого достичь. Но – опять же – никому и нигде их не показывай; некоторые люди готовы убивать за гроши.

Снова наступила напряженная тишина, после чего воздух словно освободился от тяжести.

– Панделюм! – тихо позвала Тсаис. Ответа не было.

Через несколько секунд, однако, чародей вернулся – ум девушки снова стеснило ощущение его присутствия.

– Немного подожди, – сказал Панделюм, – а затем зайди в соседнее помещение.

Тсаис подошла к внутренней двери, чуть задержалась, выполняя указание чародея, после чего открыла дверь и зашла в следующую комнату.

– На скамье слева, – прозвучал голос Панделюма, – ты найдешь браслет с амулетом и мешочек с драгоценными камнями. Надень амулет на кисть руки – он отражает вредоносные чары и сосредоточивает их на том, кто произнес заклинание. Это самая могущественная из рун, не потеряй ее!

Тсаис надела браслет и привязала к поясу мешочек с драгоценностями.

– Теперь положи шпагу на скамью, встань на каменную плиту с вырезанными рунами и плотно закрой глаза. Мне нужно будет зайти в помещение. Ни в коем случае не пытайся на меня взглянуть. Слышишь? Последствия ослушания будут ужасны.

Тсаис вынула шпагу, положила ее на скамью, встала на руны, вырезанные в полу, и зажмурилась. Послышались медленные шаги и тихий звон металла, а затем – высокий, напряженный подвывающий звук, постепенно затихший.

– Твоя шпага ожила! – сообщил Панделюм; его голос показался девушке необычно громким, потому что чародей стоял рядом, у нее за спиной. – Шпага будет убивать твоих врагов, руководствуясь своим собственным разумом. Протяни руку и возьми ее.

Тсаис вложила шпагу в ножны – клинок стал теплым и дрожал.

– В какое место на Земле ты желаешь отправиться? – спросил Панделюм. – В страну, населенную людьми, или в бескрайние пустоши, усеянные руинами?

– В Асколаис, – ответила Тсаис: просто потому, что сестра, говорившая с ней о красоте, упомянула об этой стране.

– Как тебе угодно, – отозвался Панделюм. – А теперь внимли! Если ты когда-нибудь пожелаешь вернуться в Эмбелион...

– Нет! – прервала его Тсаис. – Это хуже смерти.

– Что ж, вольному воля, как говорится.

Тсаис молчала.

– Я должен буду к тебе прикоснуться. На мгновение у тебя закружится голова, после чего ты откроешь глаза уже на Земле. Там уже наступает ночь, а по ночам просыпаются кошмарные твари. Постарайся сразу найти убежище.

Тсаис с радостным волнением почувствовала прикосновение чародея. У нее в голове все смешалось и перевернулось, она ощутила невесомость невероятного полета на немыслимое расстояние... У нее под ногами была незнакомая почва, в лицо дул ветерок с незнакомым пряным привкусом. Тсаис открыла глаза.

Перед ней открылся странный пейзаж поразительной новизны. В темно-синем небе багровело древнее Солнце. Тсаис стояла на лугу, окруженном высокими мрачноватыми деревьями. Деревья эти ничем не напоминали высоких спокойных гигантов Эмбелиона; земные деревья росли плотной угрюмой толпой и отбрасывали загадочную тень. Ничто в поле зрения, ничто земное не казалось оскорбляющим или режущим глаз: луг, деревья, выступающее из почвы пологое скальное обнажение – здесь все размылось, сгладилось, состарилось, смягчилось. Неяркие лучи Солнца были, однако, насыщенными и придавали всему окружающему – камням, деревьям, тихой траве и скромным цветам – дух преданий и легенд, воспоминаний о древности.

Поодаль возвышались мшистые развалины давно обвалившихся крепостных стен. Их камни, покрытые темным лишайником, почернели от дыма и времени, трещины и провалы заросли травой – причудливая картина в косых лучах вечернего Солнца.

Тсаис медленно подошла к руинам. Кое-где стены еще стояли – одни выветренные камни держались на других, хотя скреплявший кладку раствор давно вымыло дождями. Девушка с удивлением обошла по кругу огромное, заплесневевшее, щербатое и растрескавшееся каменное изображение лица, почти полностью погребенное; она попыталась прочесть символы, вырезанные в основании монумента, но они не поддавались пониманию. Широко открыв глаза, Тсаис изучала остатки каменной физиономии – жестокие глаза, издевательски усмехающийся рот, разбитый нос. Выражение этого лица заставило ее вздрогнуть; она отвернулась – здесь ей больше нечего было делать.

Откуда-то по лугу разнесся смех – ликующий, почти хихикающий. Не забывая о предупреждениях Панделюма, Тсаис попятилась в темное углубление древней стены. Между стволами деревьев возникло какое-то движение; пошатываясь, на залитый предзакатными лучами луг вышли двое – мужчина и женщина. Их руки были связаны за спиной. За ними легко и упруго шагал, напевая и посвистывая, молодой человек, погонявший пленников тонкой рапирой.

Все трое остановились у развалин – так близко, что Тсаис могла разглядеть их лица. Глаза связанного мужчины, скуластого оборванца со всклокоченной рыжей бородой, испуганно бегали по сторонам. Женщина, низенькая толстушка, тоже испуганно молчала. Их привел сюда Странник Лианэ – находившийся в постоянном возбуждении юноша располагающей к себе наружности, с приятным выразительным лицом, мягкой каштановой шевелюрой и большими, красивыми золотисто-кариими глазами. На нем были красные кожаные сапожки с отворотами, костюм из красной и зеленой ткани, зеленый плащ и остроконечная шляпа с красным пером.

Тсаис наблюдала за землянами, ничего не понимая. Все трое представлялись ей одинаково омерзительными тварями из липкой крови, губчатой темно-розовой плоти и вонючих внутренностей. Лианэ казался не столь вульгарным по сравнению с двумя другими – по меньшей мере он был проворен и двигался почти элегантно. Тсаис мало интересовали эти люди, но она не выходила из укрытия.

Лианэ ловко стянул петлями лодыжки пленников, после чего подтолкнул обоих, чтобы они растянулись плашмя между камнями. Мужчина тихо стонал, женщина истерически всхлипывала.

Разбойник снял шляпу и отвесил жертвам насмешливый поклон, после чего, пританцовывая, направился к обломку стены. Шагах в двадцати от Тсаис он вытащил камень из-под древней плиты, пошарил рукой в отверстии, вернулся с трутом и огнивом и развел костер. Из поясной сумки Лианэ вынул кусочек мяса, поджарил его на огне, брезгливо съел его и облизал пальцы.

До сих пор никто не сказал ни слова. Лианэ наконец встал, потянулся и взглянул на небо. Солнце уже скрывалось за темной стеной деревьев, на луг легли синие тени.

– А теперь – за дело! – воскликнул Странник Лианэ. У него был резкий, ясный голос, напоминавший громкие звуки флейты. – Прежде всего, – с развязной торжественностью поднял руку разбойник, – необходимо позаботиться о том, чтобы вы относились к допросу со всей серьезностью и чтобы предстоящие откровения соответствовали действительности.

Нырнув в еще один тайник под каменными плитами, разбойник принес четыре крепких деревянных шеста. Один из шестов он положил поперек бедер рыжебородого мужчины, а второй продел между ногами пленника продольно над первым – таким образом, чтобы, не прилагая особых усилий, он мог одновременно давить на бедра пленника вниз и на копчик и поясницу вверх. Проверив это устройство в действии, Лианэ удовлетворенно крикнул, когда

мужчина вскрикнул от боли. Для женщины он приготовил такое же пыточное перекрестие шестов.

Тсаис пребывала в замешательстве. По всей видимости, молодой человек намеревался причинять своим пленникам боль. Может быть, таков был земной обычай? Но как она могла об этом судить, если она ничего не знала о добре и зле?

– Лианэ! Лианэ! – взмолился рыжебородый мужчина. – Не мучай мою жену! Она ничего не знает! Пощади ее – я отдам тебе все свое имущество и буду служить тебе до конца моих дней!

– Хо-хо! – Лианэ расхохотался так, что перо у него на шляпе стало раскачиваться. – От души благодарю за щедрое предложение! Но зачем мне связки хвороста, зачем мне твоя репа? Я люблю шелк и золото, я люблю блеск кинжалов и стоны девушек, изнывающих от любви. К сожалению, твое имущество и твои услуги мне ни к чему. Я хотел бы знать, однако, где скрывается брат твоей жены – и, когда твоя супруга начнет захлебываться воплями, ты мне об этом расскажешь.

Тсаис начинала осознавать смысл происходящего. Пленники скрывали сведения, которые хотел добыть молодой человек. Поэтому он собирался причинять им боль, пока те, в отчаянии, не раскроют ему эти сведения. Хитроумный замысел! Она сама до такого не додумалась бы.

– Что ж, – продолжал разбойник, – теперь следует предотвратить всякую возможность искусного сочетания истины с вымыслом. Видишь ли, – доверительно пояснил он, наклонившись к мужчине, – под пыткой человек неспособен достаточно сосредоточиться для того, чтобы что-нибудь изобретать и обманывать, он не может вымолвить ничего, кроме правды.

Разбойник выхватил из костра горящую ветку, вставил ее между связанными лодыжками мужчины и тут же вспрыгнул на шест-рычаг, надавивший на ноги и поясницу женщины.

– Я ничего не знаю, Лианэ! – хрипло бормотал мужчина. – Ничего! Это правда, чистая правда!

Лианэ отступил и нахмурился. Женщина потеряла сознание. Выдернув ветку, горевшую между ногами пленника, бандит раздраженно бросил ее в костер.

– Чепуха какая-то! – Юноша сплюнул, но к нему быстро вернулось хорошее настроение. – Ничего, нам некуда торопиться. – Лианэ нервно поглаживал острый подбородок. – Может быть, ты не врешь, – размышлял он вслух. – Может быть, твоя верная супруга окажется полезнее. – Он поднес к носу женщины щепотку ароматической соли и привел ее в чувство пощечинами. Она открыла помутневшие глаза и тупо смотрела на мучителя; лицо ее налилось кровью и подергивалось.

– Слушай меня внимательно! – строго произнес Странник Лианэ. – Начинается второй этап допроса. Я думаю, я предполагаю, я делаю логические выводы. Я говорю себе: возможно, муж не знает, куда сбежал человек, которого я ищу. Возможно, это известно только его жене.

Женщина чуть приоткрыла рот:

– Пожалуйста! Он мой брат...

– Ага! Так ты все знаешь! – торжествующе воскликнул Лианэ, расхаживая взад и вперед перед костром. – Ты знаешь! Возобновим допрос. Обрати внимание! Этим шестом я раздавлю ноги твоего мужа и сломаю ему позвоночник, если ты не скажешь, где прячется твой брат.

Он приступил к исполнению угрозы.

– Ничего не говори... – прошипел мужчина прежде, чем боль заставила его нечленораздельно выть.

Женщина ругалась, всхлипывала, умоляла. Наконец она закричала:

– Я скажу, все скажу! Делларе в Эфреде!

Лианэ приостановил пытку:

– В Эфреде. Вот как. В степях Рухнувшей Стены. – Разбойник поджал губы. – Может быть, это так. Но я тебе не верю. Ты должна подтвердить свои слова – мне нужна правда, только правда и ничего, кроме правды!

Он снова взял из костра горящую ветвь и вставил ее между лодыжками женщины, после чего опять принялся пытаться мужчину. Женщина молчала.

– Говори, мерзавка! – пытаясь приказывал Лианэ. – Я уже вспотел, а ты все еще упираешься!

Женщина молчала. Ее широко раскрытые глаза остекленели и смотрели прямо в небо.

– Она умерла! – воскликнул ее муж. – Умерла! Моя жена умерла! – Рыжебородый человек забыл о боли и страшно кричал: – А! Лианэ, ты – демон, ты – исчадие ада! Будь ты проклят! Клянусь Фиалом, клянусь Крааном...

Его слова сливались в один непрерывный истерический вопль.

Тсаис ощущала беспокойство. Женщина умерла. Разве убийство – не зло? Панделюм говорил, что похищение жизни – преступление. Если женщина была добрым существом, а рыжебородый мужчина явно так считал, значит, разбойник был преступником. Все они, конечно, состояли из липкой крови и омерзительной плоти. Тем не менее причинение боли, приводящее к смерти живого существа, следовало рассматривать как зло.

Бесстрашная в своем невежестве, Тсаис выступила из укрытия и подошла к костру. Разбойник обернулся и отскочил. Но при виде грациозной красавицы страх его тут же сменился вождением. Лианэ веселился, Лианэ танцевал!

– Добро пожаловать! Приветствую тебя, прекрасная незнакомка! – Разбойник досадливо покосился на распростертые тела своих жертв. – Неприятная история! Не обращай на них внимания. – Странник Лианэ скинул плащ, похотливо разглядывая девушку яркими карими глазами и горделиво вышагивая подобно распутившему хвост петуху: – Прекрасно, замечательно, дорогая моя! Причем – и ты скоро в этом убедишься – такого мужчину, как я, днем с огнем не найдешь!

Тсаис положила руку на эфес шпаги, и та сразу выскочила из ножен. Лианэ отпрянул, встревоженный ненавистью, сверкнувшей в глазах девушки с извращенным мозгом, не меньше, чем ее сверкнувшим клинком.

– Что это значит? Успокойся, успокойся! – торопливо говорил разбойник. – Спрячь свою шпагу – она острая и твердая! Будь так любезна, опусти ее, выбрось! Я великодушный человек, но мне досаждают опасно.

Тсаис стояла между телами двух жертв. Рыжебородый мужчина был жив и смотрел на нее лихорадочно выпученными глазами. Женщина неподвижно уставилась в темное небо.

Лианэ бросился вперед, намереваясь схватить девушку, пока она отвлеклась. Живая шпага поднялась, сделала выпад и проткнула проворное тело разбойника.

Странник Лианэ опустился на колени, выкашливая кровь. Тсаис вытерла с клинка кровь серовато-зеленым плащом бандита и с трудом вложила клинок в ножны: шпага хотела колоть, рубить, убивать!

Разбойник лежал без сознания. Тсаис отвернулась, ее тошнило. Слабый голос позвал:

– Освободи...

Поразмыслив, Тсаис разрубила путы. Пошатываясь, мужчина бросился к жене и стал гладить ее, сорвал с нее веревки, звал, склонившись к ее обращенному к небу лицу. Женщина не отвечала. Бородач вскочил и безумно взвыл, протянув руки вверх. Подхватив на руки безжизненное тело, он побежал, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь, куда-то в темноту, непрерывно проклиная судьбу...

Тсаис дрожала. Она перевела взгляд с неподвижной фигуры разбойника на черный лес, начинавшийся далеко за пределами круга, освещенного мигающим пламенем костра. Мед-

ленно, часто оглядываясь, она стала отходить по лугу от развалин. Истекающий кровью Лианэ остался лежать у гаснущего костра.

Последние язычки пламени померкли и пропали в темноте. Тсаис зашла в рощу и на ощупь пробиралась между стволами угрожающе нависших над ней деревьев; в ее извращенном восприятии ночной лес был еще мрачнее, еще страшнее, чем в глазах обычного человека. В Эмбелионе никогда не было настоящей ночи – только озаренные переливчатыми сполохами сумерки. Тсаис продолжала брести по невидимым лесным тропам под вздыхающими невидимыми кронами – напряженная, подавленная, но не подозревающая о том, что могло ей встретиться: о деодандах, о пельгранах, о рыскающих в лесу эрбах (звероподобных двуногих демонах), о гиддах, способных совершать семиметровые прыжки, присасываясь к настигнутым жертвам.

Но Тсаис повезло – невредимая, она вышла из леса и стала подниматься по склону. Здесь деревья росли редко; здесь начиналось бескрайнее темное пространство – знаменитые верещатники Модавны, слышавшие поступь бесчисленных ног и поглотившие реки крови. В один не столь прекрасный, все еще не забытый день Голикан Кодек по прозвищу Кодек-Завоеватель согнал на Модавну население двух больших городов, Гвасана и Баутику, сосредоточив миллионы людей в круге трехмильного диаметра, и заставил их, погоняемых наездниками-недолюдьми, вооруженными молотильными цепями, в панике толпиться в центре круга все плотнее и плотнее, карабкаясь друг на друга, пока человеческие тела не образовали гигантскую шевелящуюся насыпь высотой в триста с лишним метров – пирамиду вопящей плоти. Говорят, что Кодек провел десять минут, любуясь неслыханным монументом, после чего повернул коня и ускорился в Лайденур – туда, откуда он начал свой поход.

С тех пор призраки древности побледнели и растворились; вересковые пустоши Модавны выглядели не столь удручающе по сравнению с лесной чащей. Разбросанные поросли кустарника напоминали чернильные пятна. Вереница утесов на горизонте выделялась четкой зазубренной полосой на фоне бледно-фиолетового зари, оставшегося от заката. Тсаис старалась обходить самые заболоченные места, чувствуя облегчение от того, что у нее над головой было открытое небо. Через некоторое время она вышла на древнюю дорогу из растрескавшихся, разбитых каменных плит; вдоль дороги тянулась канава – в ней росли тускло светящиеся звездчатые цветы. Порывы ветра, со вздохами пронесившиеся над пустошью, увлажняли туманом ее лицо. Тсаис устало шагала по дороге. Она не замечала никакого убежища; ветер холодно похлопывал плащом по ее ногам.

Шорох поспешных шагов, смутные фигуры в темноте! Тсаис схватили жесткие сильные руки. Она вырывалась, пытаясь дотянуться до шпаги, но ей заломили руки за спину.

Кто-то зажег огонь и поднес к ней факел, чтобы рассмотреть добычу. Тсаис увидела трех обросших, покрытых рубцами шрамов и язв бродяг; на них были мешковатые серые комбинезоны, забрызганные грязью и пропотевшие.

– Смотри-ка, девица что надо! – ухмыляясь, сказал один из них.

– Не помешает ее обыскать – может, найдется какое серебро, – отозвался другой, и его руки стали со злорадным вождением ощупывать тело Тсаис. Он нашел мешочек с драгоценностями и высыпал на ладонь горстку самоцветов, вспыхнувших в зареве факела сотнями разноцветных отблесков: – Ничего себе! Королевские сокровища!

– Или колдовские! – предупредил другой. Внезапно охваченные сомнениями, бродяги слегка ослабили хватку, но Тсаис все еще не могла дотянуться до шпаги.

– Кто ты такая и куда идешь посреди ночи? – осторожно, даже с некоторым уважением спросил третий бродяга. – Только ведьма осмелится блуждать по Модавне одна и носить с собой бриллианты!

Жизнь еще не научила Тсаис хитрить и обманывать:

– Я не ведьма! – воскликнула она. – Отпустите меня, вонючие животные!

– Не ведьма? А тогда кто ты? И откуда?

– Меня зовут Тсаис, я из Эмбелиона! – гневно ответила она. – Меня сотворил Панделюм, я ищу на Земле любовь и красоту. А теперь уберите руки, я пойду своим путем!

Первый бродяга усмехнулся:

– Хо-хо! Она ищет любовь и красоту! Что ж, ты нашла нечто в этом роде, дорогуша. Нас, конечно, не назовешь красавчиками – у Тагмана вся рожа исполосована, а у Лазарда не осталось ни зубов, ни ушей, – но любви нам не занимать. Не так ли, товарищи? От нас ты получишь столько любви, что по гроб жизни хватит! Айда, пацаны!

Не обращая внимания на возмущенные крики Тсаис, проходимцы потащили ее по верещатнику к каменной хижине.

В хижине один из грабителей развел ревущий огонь в очаге, а два других отобрали у девушки шпагу и швырнули ее в угол, после чего закрыли дверь на замок большим чугунным ключом и только тогда отпустили ее. Тсаис тут же бросилась к шпаге, но тяжелая оплеуха повалила ее на грязный пол.

– Втяни когти, кисонька! – рявкнул Тагман. – Тебе еще повезло. – К нему тут же вернулось шутовское настроение: – Твоей красоты хватит на всех, а уж полюбим мы тебя на славу!

Тяжело дыша, Тсаис подползла к стене, прижалась к ней спиной и обхватила колени руками:

– Я не знаю, что такое любовь. В любом случае ваша любовь мне не нужна!

– Как же так? – с издевательской нежностью спросил Лазард. – Ты все еще девственница?

Тсаис, сверкавшей ненавидящими глазами, пришлось выслушать во всех похабных подробностях лекцию о любви в том смысле, в каком ее понимали разбойники с большой дороги.

Тсаис вскочила и набросилась на трех обидчиков, лихорадочно осыпая их пинками и ударами кулаков. Вскоре она снова распласталась на полу у стены, покрытая синяками и почти без чувств, а «товарищи» тем временем достали из кладовки пузатый бочонок медовухи, чтобы подкрепиться перед приятным времяпровождением.

Теперь они бросали жребий, чтобы определить, кто из них будет первый пользоваться девушкой. Счастливчика обвинили в обмане – началась перепалка. Бродяги принялись грязно ругаться и угрожать друг другу – ошеломленная Тсаис следила за ними с ужасом, многократно обостренным ее искаженным восприятием. Пьяные разбойники толкались и ревели, как возбужденные течкой быки – злобная ругань сменилась ударами тяжелых кулаков. Тсаис потихоньку подползала к своей шпаге. Как только она взялась за эфес, живая шпага птицей взлетела в воздух, потянув девушку за собой, и бросилась в бой. Бродяги хрипло кричали, клинок сверкал, повторяя выпады быстрее, чем мог проследить человеческий глаз. Вопли и стоны замолкли: на земляном полу, разинув рты, валялись три трупа. Тсаис нашла чугунный ключ, открыла дверь и как безумная убежала в ночь.

Тсаис бежала навстречу ветру по темному верещатнику, пересекла дорогу и упала в канаву, выбралась из нее на холодную грязную обочину и опустилась на колени... Вот какой оказалась Земля! Она вспомнила Эмбелион, где самыми отвратительными существами были цветы и бабочки. Она вспомнила, как она косила шпагой цветы и рубила бабочек...

Эмбелион был потерян навсегда, она отвергла его. Тсаис разрыдалась.

Ее насторожил шорох вереска. Тсаис настороженно подняла голову, прислушалась. Какое еще надругательство грозило ее перевернутому представлению о мире? Зловещие звуки донеслись снова – звуки осторожных шагов. Девушка с ужасом вглядывалась в темноту.

Благодаря мерцанию роящихся светлячков она различила вскоре крадущееся вдоль канавы исчадие мрака. В поисках добычи из леса вышел деоданд – безволосое человекообразное существо с угольно-черной кожей и красивым лицом, обезображенным двумя острыми белыми клыками, нависшими над нижней губой и придававшими ему демонический вид. Део-

данд, носивший нечто вроде сбруи из кожаных ремней, сосредоточил на девушке раскосые глаза с напряжением голодного хищника. Как только он понял, что жертва его заметила, деоданд с торжествующим кличем выскочил из канавы.

Тсаис отпрянула, упала, вскочила на ноги и с воплями помчалась со всех ног по пустоши, не замечая царапавшие ноги пучки дрока и терзавшие руки заросли терновника. Деоданд гнался за ней вприпрыжку, испуская отвратительные умоляющие стоны.

Так они бежали не разбирая дороги, по жесткому вереску, по влажному торфу, по каменистым пригоркам и топким ложбинам, перепрыгивая ручейки и продираясь через шиповатый кустарник. Широко открытые от страха глаза Тсаис практически ничего не видели; деоданд жадно постанывал и не отставал.

Впереди блеснул огонек: появилось неясное очертание какой-то избушки. Задышавшись и всхлипывая, Тсаис добралась до порога и нажала на дверь локтями. К счастью, дверь подавалась. Тсаис ввалилась внутрь, захлопнула дверь и опустила засов. Почти в тот же момент дверь задрожала под весом ударившегося с разбега деоданда.

Крепкая дверь защищала ее от вторжения, маленькие окна избушки были снабжены чугунными решетками. Хрипло и часто дыша, Тсаис упала на колени и постепенно потеряла сознание...

Обитатель избушки поднялся из глубокого кресла перед камином – высокий широкоплечий человек, передвигавшийся странно замедленной поступью. Он мог быть молод или стар – возраст его невозможно было определить со стороны, так как все его лицо и голова были закутаны черным капюшоном с маской. Из прорезей маски смотрели голубые глаза.

Человек этот встал над Тсаис, валявшейся, как тряпичная кукла, на красном кирпичном полу. Наклонившись, он поднял безвольное тело и отнес ее на широкую скамью с мягкой обивкой, стоявшую поблизости от пылающего камина. Он снял с нее сандалии и промокший разорванный плащ, отложил в сторону дрожащую в ножнах шпагу, после чего принес какую-то мазь и нанес ее на царапины и кровоподтеки девушки. Подложив ей под голову подушку, он завернул ее в мягкое фланелевое покрывало и, убедившись в том, что она расположилась удобно, снова опустился в кресло у огня.

Деоданд все еще ошивался снаружи – он заглядывал внутрь через окошко, пересеченное решеткой. Через некоторое время людоед постучался в дверь.

Человек в черной маске обернулся:

– Кто там?

– Мне нужна та, что вошла. Я голоден, мне нужна ее плоть, – тихо и вежливо сказал деоданд.

– Уходи, пока я не сжег тебя заживо страшным проклятием! – резко ответил человек в маске. – И никогда не возвращайся!

Деоданд боялся колдовских чар.

– Я ухожу! – отозвался он и растворился в ночи.

Тсаис открыла глаза, чувствуя во рту теплую, острую на вкус жидкость. Над ней склонился, стоя на коленях, высокий человек в черной маске с отверстиями для глаз. Одной рукой он поддерживал ее плечи и голову, а другой подносил к ее рту серебряную ложку.

Тсаис отпрянула.

– Тихо, тихо! – сказал человек. – Тебя больше никто не обидит.

Тсаис сомневалась в добросовестности этого заверения, но постепенно расслабилась и стала лежать спокойно.

Из окон лился красноватый солнечный свет, в избушке было тепло. Стены, обшитые золотистым деревом, украшал сверху, под потолком, бордюр с красными, синими и коричневыми узорами. Хозяин избушки снял с огня миску бульона, поставил ее у изголовья скамьи,

вынул из шкафчика кусок хлеба и положил его рядом с миской. Немного поколебавшись, Тсаис решила подкрепиться.

Внезапно вспомнив события ночи, она вздрогнула и стала дико озираться. Человек в маске заметил, как напряглось ее лицо. Он наклонился над ней, положил руку ей на голову. Тсаис замерла, наполовину ожидая самого худшего.

– Здесь тебе ничто не угрожает, – успокоил ее странный незнакомец. – Ничего не бойся. Мысли Тсаис смешались, ее веки смежались сами собой. Она заснула.

Когда она снова проснулась, в избушке больше никого не было; из противоположного окна сочился темно-бордовый вечерний свет. Тсаис потянулась, подложила руки под голову и задумалась. Кто был этот человек в черной маске? Все земное казалось ей непостижимым. Тем не менее обитатель избушки не нанес ей никакого ущерба... Тсаис заметила свою одежду, лежавшую на полу. Поднявшись со скамьи, она оделась. Подойдя к двери, она распахнула ее. Перед ней простиралась до самого низкого горизонта и терялась вдали вересковая пустошь. Слева торчали, отбрасывая черные тени, скалистые утесы; перед ними по торфянику были разбросаны грязновато-красные валуны. Справа тянулась черная полоса леса.

Была ли в этом пейзаже какая-то красота? Тсаис не могла ответить на этот вопрос. В ее искаженном представлении туманный горизонт верещатника и зазубренная гряда утесов казались безжизненно-унылыми, а лес не вызывал ничего, кроме ужаса.

В чем заключалась красота? Девушка растерянно вертела головой, прищуриваясь и приглядываясь то в одну, то в другую сторону. Услышав звуки шагов, она резко обернулась, широко раскрыв глаза и ожидая новых неприятных неожиданностей. Но это был человек в черном капюшоне с маской. Тсаис облегченно прислонилась спиной к косяку двери.

Хозяин избушки, высокий и сильный, приближался медленными шагами. Почему он закрывал голову и лицо? Он почему-то стыдился показывать лицо? Тсаис ничего не понимала – ей самой любили человеческие лица, с их водянистыми глазами, влажными неприятными отверстиями и щетинистой порослью, казались отвратительными.

Человек в маске остановился напротив:

– Ты хочешь есть?

Подумав, Тсаис ответила:

– Хочу.

– Тогда давай поедим.

Хозяин избушки зашел внутрь, расшевелил угли в камине и нанизал на вертела кусочки мяса. Тсаис неуверенно стояла поодаль. Она всегда готовила для себя сама. Она ощущала неудобство – идея сотрудничества еще никогда не приходила ей в голову.

Через некоторое время человек в маске выпрямился, и они сели друг против друга за стол, чтобы подкрепиться.

Через некоторое время хозяин произнес:

– Расскажи мне о себе.

И Тсаис, еще не научившаяся о чем-либо умалчивать или притворяться, объяснила ему свое происхождение следующим образом:

– Меня зовут Тсаис. Я прибыла на Землю из Эмбелиона, где меня сотворил чародей Панделюм.

– Эмбелион? Где это? И кто такой Панделюм?

– Где Эмбелион? – в замешательстве переспросила девушка. – Не знаю. Эмбелион – не на Земле. Это не очень большое место, там в небе переливаются разноцветные волны. Панделюм живет в Эмбелионе. Он – величайший из ныне живущих чародеев. По меньшей мере он так говорит.

– А! – откликнулся человек в маске. – Кажется, я начинаю понимать.

– Панделюм меня сотворил, – продолжала Тсаис, – но он допустил какую-то ошибку, когда меня выращивал. – Тсаис неподвижно смотрела в огонь. – Весь мир кажется мне мрачным и зловещим, наполненным уродством и ужасом. Любые звуки режут мне уши, все живые существа в той или иной степени мне отвратительны – неуклюжие кожаные мешки, набитые вонючими внутренностями! Как только я появилась на свет, я хотела только рубить, крушить, давить, уничтожать! Я ничего не знала, кроме ненависти. А потом я встретила свою сестру, Тсаин, – она такая же, как я, но без изъяна в мозгу. Она сказала, что существуют любовь, и красота, и счастье... Я попросила Панделюма отпустить меня на Землю, чтобы я могла найти любовь и красоту.

Ее изучали серьезные голубые глаза:

– И ты их нашла?

– До сих пор, – тихо и озадаченно отозвалась Тсаис, – я не встретила ничего, кроме зла – такого зла, какое не приснилось бы в кошмарном сне.

Постепенно, с трудом выбирая слова, она поведала человеку в маске о своих несчастьях.

– Тебе не повезло, – заметил тот, продолжая внимательно ее разглядывать.

– Мне кажется, что я должна себя убить, – сказала Тсаис тем же отстраненным, словно исходящим издали голосом. – Потому что я никогда не найду то, что ищу.

Наблюдая за ней, человек в маске видел, как нежная кожа девушки отливала медью в красноватых лучах вечернего Солнца, как распустились по ее плечам черные волосы, как задумчиво смотрели в огонь ее большие миндалевидные глаза. Он внутренне содрогнулся при мысли о том, что это грациозное создание погибнет и смешается с прахом триллионов, удобивших древнюю почву Земли.

– Нет! – резко произнес хозяин избушки.

Тсаис удивленно обернулась к нему: неужели он считал, что ее жизнь ей не принадлежит, что она не вправе распоряжаться собой по своему усмотрению?

– Разве ты не нашла в этом мире ничего, с чем не хотела бы расстаться? – спросил он.

Тсаис нахмурилась:

– Не помню ничего такого... Хотя, пожалуй, мне нравится твоя хижина – в ней чисто и тихо.

Человек в маске рассмеялся:

– Тогда живи здесь сколько хочешь – она твоя! А я попробую показать тебе, что мир иногда не так уж плох – хотя на самом деле... – Он прервался, после чего с горечью сказал: – Со мной этот мир обошелся жестоко.

– Как тебя зовут? – спросила Тсаис. – И почему ты носишь черную маску?

– Как меня зовут? – Казалось, хозяин избушки был не слишком доволен этим вопросом. – Итарр. Да, пусть будет так – Итарр. Я ношу маску потому, что самая подлая женщина в Асколаисе – и не только в Асколаисе, подлее нет ни в Альмерии, ни в Кочике – во всей Вселенной! – сделала мое лицо таким, что я не могу на него смотреть.

Слегка успокоившись, он устало рассмеялся:

– Но время для гнева давно прошло.

– Она еще жива?

– О да, она жива! И, без сомнения, околдовывает губительными чарами всех, кого встречает. – Итарр повернулся, глядя в огонь. – Когда-то я ни о чем таком даже не подозревал. Она была молода и прекрасна, она источала бесчисленные тонкие ароматы и завораживала прелестными игривыми манерами. Я жил на берегу океана в белоснежной вилле, окруженной тополями. Напротив, на другом берегу Сумрачного залива, темнел выступавший далеко в море мыс Печальной Памяти. Когда небо багровело на закате, а горы становились черными, казалось, что горбатый мыс – силуэт одного из древних богов Земли, уснувшего в воде... Там я

проводил все свои дни и был настолько доволен жизнью, насколько это возможно, пока умирающая Земля совершает последние обороты вокруг гаснущего Солнца.

Однажды утром я изучал звездные навигационные карты. Подняв голову, я увидел ее под арочным входом виллы – такую же юную и грациозную, как ты. У нее были чудесные рыжие волосы, спускавшиеся на плечи сзади и спереди. Да, она была прекрасна и – в длинном белом платье – казалась чистой и невинной.

Я полюбил ее, а она говорила, что тоже меня любит. Она подарила мне браслет из черного металла. Ослепнув от любви, я надел этот браслет, хотя не мог прочесть начертанные на нем символы пагубной колдовской руны. Прошли несколько недель, полных неопишуемых радостей и наслаждений. Но через некоторое время я обнаружил, что Джеванна одержима темными страстями, удовлетворить которые неспособна любовь обычного человека. Однажды в полночь я застал ее в объятиях обнаженного черного демона – эта сцена до сих пор словно выжжена в моей памяти огненной печатью!

Я в ужасе попятился. Они меня не заметили, и я медленно ушел оттуда. На следующее утро она выбежала ко мне на террасу, радостно улыбаясь, как счастливое дитя.

– Пойди прочь! – возмутился я. – Ты невыносимо омерзительна!

Она произнесла одно слово, и руна на черном браслете поработила меня. Мой ум все еще принадлежал только мне, но мое тело стало ее собственностью и вынуждено было подчиняться любым ее прихотям.

Она заставила меня рассказать о том, что я видел, – и злобно насмехалась, наслаждаясь своей властью. Она подвергала меня бесконечным разнообразным унижениям, она вызывала заклинаниями адских тварей из Калуу, из Фовюна, из Джелдредра, чтобы те издевались надо мной, оскверняя мое тело. Она вынуждала меня смотреть на то, как она забавлялась с этими монстрами, и когда мне пришлось назвать ей тварь, вызывавшую у меня наибольшее отвращение, заколдовала меня так, что теперь мое лицо – морда этого чудовища.

– Неужели такие женщины существуют? – удивилась Тсаис.

– Увы, существуют! – Серьезные голубые глаза продолжали внимательно изучать девушку. – Наконец, темной ночью, когда демоны волокли меня за холмы, чтобы сбросить со скалы, черный браслет сорвало с моей руки острым краем какого-то камня. Я был свободен! Я тут же выкрикнул заклинание, разбросавшее вопящих чертей по всему небу в глубины космоса, и вернулся в прибрежную виллу. Рыжеволосая Джеванна пировала в одиночестве за длинным столом в большой готической трапезной. Я выхватил кинжал, чтобы перерезать ей глотку, но она подняла руку: «Стой! Если ты меня убьешь, твое лицо навсегда останется мордой демона – только я знаю, как его изменить!» С этими словами она беспечно выбежала из виллы, а я, не в силах там оставаться, поселился здесь, на вересковой пустоши. С тех пор я повсюду ее ищу, чтобы вернуть себе человеческое обличье.

– И как ты надеешься ее найти? – Теперь ее вчерашние злключения казались Тсаис незначительными по сравнению с бедой, постигшей Итарра.

– Я знаю, где ее можно будет встретить завтра ночью. Завтра – ночь Черного Шабаша. С незапамятных времен в эту ночь собираются и празднуют торжество обитающие на Земле исчадия зла.

– И ты собираешься участвовать в этом торжестве?

– Не в числе празднующих, конечно. Хотя, по правде говоря, – с горечью прибавил Итарр, – если я сниму маску, никто из собравшихся не заметит, что я – не один из них.

Тсаис вздрогнула и подвинулась ближе к стене. Итарр не мог не заметить ее реакцию и вздохнул.

Девушке пришла в голову новая мысль:

– Ты столько страдал от зла – и все еще считаешь, что в мире есть красота?

– Конечно есть! – ответил Итарр. – Смотри, как простираются вдаль вересковые луга – безлюдные, неоскверненные, расцвеченные переходами приглушенных оттенков! Смотри, как величественно вздымаются к небу утесы, подобные хребту планеты! А ты? – Он пристально смотрел ей в глаза. – Ты сама – олицетворение красоты, превосходящей все вокруг.

– Превосходящей красоту Джеванны? – в замешательстве спросила Тсаис.

Итарр рассмеялся.

– Несомненно! – заверил он ее.

Девушку заинтересовал другой вопрос:

– Ты хочешь отомстить Джеванне?

– Нет! – отозвался Итарр, глядя куда-то в туманный горизонт, где пустоши сливались с небом. – Что такое месть? Кому нужна месть? Скоро, когда Солнце погаснет, всех нас обступит вечная ночь, все мы умрем – и вся история Земли, все ее руины и покатые холмы, оставшиеся от гордых вершин, сверкавших снегами, – все скроется навсегда в бесконечном мраке. Какой смысл кому-то мстить?

Через некоторое время они вышли из хижины и прогулялись по верещатнику. Итарр пытался показать девушке, в чем заключалась красота: медлительная река Скаум блестела протоками среди зеленых тростников, облака над утесами розовели в бледных лучах заходящего Солнца, птица парила навстречу ветру, подрагивая широкими крыльями над безбрежными дымчатыми просторами Модавны. Тсаис старалась заставить себя видеть красоту, но мозг ее упорно сопротивлялся. Тем не менее она уже научилась сдерживать дикий гнев, разгоравшийся в ней при виде оскорбительного уродства мироздания, ее неутолимое стремление убивать приглушилось, ее лицо, дрожавшее от постоянного напряжения, слегка расслабилось.

Так они бродили по пустоши молчаливо и задумчиво. Во всей своей печальной славе перед ними разгорелся и погас закат; по небосклону, одна за другой, медленно поднимались серебристые звезды.

– Разве ты не видишь, как прекрасны звезды? – прошептал Итарр, поднимая к небу пролези черной маски. – Их имена древнее человеческой памяти.

Но Тсаис не могла ему сочувствовать – в закате она не находила ничего, кроме скорби, а звезды казались ей не более чем беспорядочно разбросанными мелкими блестками. Она вздохнула:

– Наверное, во всей Вселенной нет двух людей несчастнее нас с тобой!

Итарр промолчал. Внезапно он схватил ее за руку и заставил пригнуться, опустившись на колени в заросли утесника:

– Пельграны!

Похлопывая крыльями, на фоне сумрачного неба к ним приближались огромные тени.

Пельграны пролетели над самой головой – поистине уродливые твари, похожие на горгулий. Вблизи можно было слышать, как ритмично поскрипывали, словно ржавые поворотные петли, их суставы. Тсаис успела разглядеть жесткое кожистое тело, мощный горбатый клюв, жадные злобные глазки на морщинистой морде. Тсаис невольно прижалась к своему спутнику. Пельграны скрылись над лесом.

Итарр язвительно рассмеялся:

– Тебя пугает внешность пельграна? Если бы пельгран увидел меня без маски, он упал бы в обморок на лету и сломал себе шею!

На следующее утро Итарр прогулялся с девушкой в лес, где она заметила высокие деревья, напомнившие ей Эмбелион. Они вернулись в хижину во второй половине дня, после чего Итарр вернулся к изучению своих книг.

– Я не волшебник, – с сожалением признался он. – Мне известны лишь несколько простых заклинаний. Но время от времени приходится пользоваться магией – надеюсь, что сегодня ночью она поможет мне избежать опасности.

– Сегодня ночью? – рассеянно переспросила Тсаис; она уже забыла о планах человека в маске.

– Сегодня наступит ночь Черного Шабаша – я должен найти на шабаше Джеванну.

– Я хотела бы пойти с тобой, – сказала Тсаис. – Я хотела бы посмотреть на Черный Шабаш и на Джеванну.

Итарр отговаривал ее, объясняя, что сцены и звуки шабаша вызовут у нее мучительный ужас. Но Тсаис настаивала, и в конце концов Итарр разрешил ей сопровождать его, когда через два часа после захода Солнца он направился к дальним утесам.

Итарр находил дорогу в темноте, пробираясь по торфянику между крошащимися скальными обнажениями, а Тсаис неотступно следовала за ним как хрупкая бледная тень. Им преградил путь огромный отвесный уступ. Они углубились в черную трещину этого эскарпа, поднялись по крутым каменным ступеням, вырубленным в незапамятные времена, и вышли на плоскую вершину утеса. Внизу чернели, как непроглядное ночное море, пустоши Модавны.

Теперь Итарр жестом предупредил девушку о необходимости соблюдать осторожность. Они прокрались через расщелину между двумя высокими останцами и спрятались в тени, обозревая открывшуюся картину ночного сборища.

Они смотрели сверху на амфитеатр, освещенный двумя пылающими кострами. В центре находилась каменная платформа высотой не больше человеческого роста. Вокруг костров и вокруг центрального возвышения возбужденно кружились несколько десятков фигур, облаченных в серые монашеские рясы; их лица скрывались под капюшонами.

Тсаис ощутила холодок зловещего предчувствия и с сомнением взглянула на своего спутника.

– Даже в этом есть своего рода красота, – прошептал Итарр. – Странная, причудливая – но завораживающая.

Тсаис снова присмотрелась к пляшущим фигурам, не понимая, о чем говорил Итарр.

К хороводам вокруг костров присоединялись все новые и новые персонажи в рясах с капюшонами – Тсаис не могла проследить, откуда они появлялись. Судя по всему, празднование только начиналось, и его участники распаляли ритмичными движениями обуревавшие их страсти. Они пригибались и переваливались гуськом с боку на бок, повиливая задами, после чего выпрямлялись и вышагивали гоголем вперевалку, как на ходулях, – вереницы ряс переплетались, проскальзывая внутрь и наружу; тем временем уже можно было расслышать приглушенное монотонное пение.

Круговорот тел ускорялся, движения становились все более лихорадочными, головы в капюшонах теснились все плотнее вокруг центрального возвышения. Наконец одна из фигур вскочила на платформу и сбросила рясу – коренастая голая ведьма уже не первой молодости, с уродливой скуластой физиономией. Ее глаза экстатически блестели, мясистые черты лица непрерывно сокращались и растягивались идиотскими гримасами. Она разинула рот, высунув дрожащий язык, ее жесткие черные волосы метались, захлестывая лицо подобно пучку степной травы на ветру, – озаренная пляшущим пламенем костров, ведьма трясла головой, раскачивалась из стороны в сторону, исполняя дергающийся сладострастный танец и с задорной издевкой поглядывая на толпу.

Гимническое мычание скачущего, кривляющегося хоровода нарастало, превращаясь в мощный, отвратительно мяукающий хор, – а наверху, в ночном небе, появились черные крылатые тени, приземлявшиеся с поспешной целеустремленностью стервятников, почуявших падаль.

Теперь пляшущие спешили сбрасывать рясы, обнажая всевозможные тела, мужские и женские, ветхие и юные, – здесь были ведьмы с ярко-оранжевыми волосами, спустившиеся с Кобальтовой горы, лесные колдуны Асколаиса, белобородые чародеи Затерянной страны с ручными мелкими суккубами, непрерывно лепечущими и хихикающими. Облаченный в рос-

кошный золоченый шелк, на шабаш прибыл принц Датул Омэт из Кансапары, города павших пилонов на дальнем берегу Мелантинской Пучины. Еще одно блестящее существо, сплошь покрытое чешуей, выпучило огромные неподвижные глаза – человекоподобный ящер с бесплодных холмов Южной Альмерии. Две бледные девушки, никогда не расстававшиеся близнецы, представляли почти вымершую расу сапонидов, уроженцев полярных тундр. Некрофаги из степей Рухнувшей Стены отличались стройностью и чернильно-черными глазами. Мечтательная волшебница с голубыми локонами обитала на мысу Печальной Памяти – по ночам она ждала на пляже того, кто выходил к ней из моря.

Приземистая ведьма продолжала плясать, болтая грудями и черным пучком волос; горный котлован бушевал пантомимой извращения и зла – охваченные непристойной экзальтацией, причастники тянули руки к небу, извиваясь всем телом.

Но не все. Одна спокойная фигура, все еще облаченная в рясу, с неповторимой грацией медленно шествовала к средоточию вакханалии. Теперь она взошла на каменную платформу, и ряса соскользнула с ее плеч – перед толпой предстала Джеванна в облегающем тело туманно-прозрачном белом платье, прихваченном в талии, свежая и непорочная, как пена морского прибоя. Плавающие рыжие потоки волос спускались ей на плечи, заканчиваясь кудрявыми локонами на груди. Скромно потупив большие серые глаза и чуть приоткрыв клубнично-алый рот, она молча внимала диким возгласам восхищенных поклонников, то и дело доносившимся из беснующегося вихря. Постепенно, с дразнящей сосредоточенностью, ее тело начало подрагивать в такт всеобщему ритму.

Джеванна танцевала. Поднимая руки, она волнообразно опускала их, капризно поворачиваясь то направо, то налево на стройных белых ногах... Джеванна плясала – на ее лице отражались, как в сияющем зеркале, самые дерзкие, самые немыслимые страсти. Сверху к ней стремительно спустилось темное крылатое существо безукоризненного телосложения, тут же соединившее свое тело с телом Джеванны в фантастическом объятии. Исступление толпы под возвышением достигло кульминации – прихожане вопили, прыгали, кувыркались и теснились, бешено совокупляясь.

Выглядывая из-за выступа скалы, Тсаис наблюдала за шабашем с напряжением, превосходившим возможности восприятия нормального человеческого мозга. Парадоксальным образом то, что она здесь видела и слышала, преодолеvalo в ней преграду ненависти ко всему существу, затрагивая темные струны, скрывающиеся в каждом человеке. Итарр поднял к ней голубые глаза, горящие в отверстиях маски; девушка, полная противоречивых эмоций, встретилась с ним неуверенно-вопросительным взглядом. Итарр вздрогнул и отвернулся; Тсаис вернулась к созерцанию оргии в котловане – дикой толчеи, копошащейся под сполохами костров. Из огромной впадины к окружающим скалам поднимался почти осязаемый ореол, сплетенный в пространстве всевозможными разновидностями разврата. Хлопая крыльями, демоны слетались к этой приманке, как птицы к кормушке, и ныряли в гущу разнузданной плоти. Перед глазами Тсаис одна за другой возникали мерзкие рожи – опьяненные злобным вождением глаза, покрытые бугорчатыми язвами щеки, формы, доступные лишь воображению безумца, иссиня-черные лица с носами-штыками, гримасы, вызывавшие инстинктивное возмущение, извивающиеся, подпрыгивающие, пресмыкающиеся отродья демонических пределов – каждое уродство обжигало ей мозг настолько, что в конце концов она решила, что ей оставалось только истошно завопить и умереть. У одного исчадия зла нос состоял из трех сросшихся в основании белых червей, рот напоминал сплошной гниющий нарыв, щеки и шея пестрели зеленоватыми бородавками, перекошенный черный лоб состоял из бугров и впадин – один взгляд на эту тошнотворную тварь заставлял в ужасе отвести глаза. Именно на это существо Итарр обратил особое внимание своей спутницы – заметив жуткого дьявола, Тсаис оцепенела, все ее мышцы напряглись.

Итарр глухо проговорил:

– Смотри! Так выглядит лицо под моей маской.

Покосившись на него, девушка невольно отшатнулась.

Итарр горько усмехнулся... Но Тсаис тут же протянула руку и прикоснулась к нему:

– Итарр!

Он снова повернулся к ней:

– Да?

– У меня неправильный мозг. Меня отвращает все, что я вижу. Я не могу справиться со страхами. И все же... то, что не совсем подчиняется мозгу, – моя кровь, мое тело, мой дух – все это тебя любит. Даже то, что спрятано под твоей маской.

Итарр с пристальным вниманием изучал ее бледное лицо:

– Как ты можешь меня любить, если ты меня ненавидишь?

– Я ненавижу тебя так же, как ненавижу весь мир. Я люблю тебя так, как не люблю никого другого.

Итарр отвернулся:

– Мы с тобой – странная пара.

Смятение в котловане – хныкающее, подвывающее совокупление человеческой и бесовской плоти – внезапно затихло. На каменном возвышении появился высокий человек в черной конической шапке. Обратившись лицом к небу, он принялся протяжно выкрикивать заклинания, одновременно рисуя руками в воздухе замысловатые руны. По мере того как он гнусаво причитал на давно забытом языке, высоко над амфитеатром начинала формироваться гигантская колеблющаяся фигура – невероятно высокая, выше самых больших деревьев на горном хребте, выше самого неба. Внутри фигуры смешивались и рассеивались зеленоватые туманные завихрения – постепенно она становилась все плотнее, и через некоторое время ее очертания стали различимыми: в воздушных потоках над миазмами шабаша колыхалось олицетворение женщины, прекрасной, серьезной и величественной. Мало-помалу колоссальный силуэт, лучившийся неземным зеленым светом, приобретал устойчивость и весомость. Голову гигантской женщины венчали обручи золотистых кос – так, как это было принято когда-то в незапамятные времена. Покрой ее складчатой хламиды тоже напоминал о седой древности.

Вызвавший это видение чародей истерически хохотал, выкрикивая язвительные оскорбления, отзывавшиеся эхом от обступивших котлован утесов.

– Она живая! – испуганно пробормотала Тсаис. – Она шевелится! Кто это?

– Богиня милосердия, Этодея, – ответил Итарр. – Ей поклонялись еще тогда, когда Солнце было желтым.

Чародей размахнулся – из его ладони в небо полыхнула лиловая молния, разбившаяся огненными брызгами о полупрозрачную золотисто-зеленую фигуру. Спокойное лицо богини болезненно поморщилось; наблюдавшие за ней демоны, ведьмы и некрофаги радостно заверещали. Колдун на возвышении вертелся как дискбол, швыряя в беззащитную богиню искрящиеся лиловые разряды.

Откуда-то издалека донеслись позывные горна – тихие, но отчетливые, они рассекли невнятный рев шабаша, как бриллиантовый луч маяка рассекает ночную тьму. Собирище в котловане замерло, затаив дыхание.

Горн протрубил снова, на этот раз громче, чисто и звонко – здесь, в средоточии бесовского торжества, звуки эти казались чуждыми, неуместными. И вскоре, грозной накипью поднявшись над утесами, отряды людей в зеленых униформах с фанатической решимостью хлынули вниз.

– Вальдаран! – закричал чародей на каменном помосте; гигантская зеленоватая фигура Этодеи всколыхнулась и пропала.

По всему амфитеатру распространилась паника. Раздавались хриплые возгласы, обессиленные от разгула летаргические тела приподнимались и расползались кто куда, над котло-

ваном вспорхнуло целое облако крылатых теней – демоны спешили разлететься. Некоторые колдуны отважно выступили навстречу противнику, распевая заклинания, изрыгавшие пламя, повергавшие в прах, сеявшие паралич, – но им противостояла мощная магия: невредимые, зеленые мстители врывались в амфитеатр, пробивались к центральному помосту, вскакивали на него. Их мечи поднимались и опускались – они рубили, полосовали и кололи, безжалостно и безудержно.

– Зеленый легион Вальдарана Справедливого! – прошептал Итарр. – Смотри, вот он стоит!

Итарр указал на мрачную фигуру в черном, с сосредоточенным удовлетворением наблюдавшую с плоской вершины утеса за кишащей внизу кровавой бойней.

Демонам тоже не позволяли скрыться. Хлопая крыльями, они поднимались в ночное небо, но им навстречу стремительно спускались на огромных птицах наездники в зеленых униформах. У летучих всадников в руках были стволы, испускавшие вращающиеся веера жгучих лучей – демоны, оказавшиеся в радиусе действия этого оружия, падали кувырком с ужасными воплями, рассыпаясь в черную пыль.

Нескольким чародеям удалось пробраться в темные ложбины и скрыться в лабиринте скал. Итарр и Тсаис слышали, как под ними кто-то пыхтел и карабкался. Лихорадочно взбиралась по расщелине между утесами та, кого искал Итарр: вечно юная Джеванна с развевающимися на ветру потоками рыжих кудрей. Итарр спрыгнул на нее, повалил и заломил ей руки за спину.

– Пошли! – Он позвал Тсаис и повлек вырывающуюся пленницу вниз по расщелине эскарпа.

Через некоторое время они спустились на вересковую пустошь, и беспорядочный шум резни затих вдаль. Рывком поставив колдунью на ноги, Итарр опустил ладонь, зажимавшую ей рот. Теперь она впервые смогла разглядеть своего обидчика. Гневная гримаса сползла с ее лица – в бледном зареве звезд можно было заметить, что она усмехается. Пригладив пальцами растрепанную рыжую шевелюру, она аккуратно расправила кудрявые локоны на плечах и некоторое время наблюдала за Итарром. Тсаис подошла ближе; повернувшись к ней, Джеванна смерила девушку долгим взглядом с головы до ног.

Ведьма рассмеялась:

– Итарр, Итарр! Ты не сохранил мне верность, у тебя новая любовница!

– Она не имеет к тебе никакого отношения, – сказал Итарр.

– Прогони ее, и я буду любить тебя снова, – пообещала Джеванна. – Помнишь наш первый поцелуй под тополями, на террасе твоей виллы?

Итарр отозвался коротким смешком:

– Мне от тебя нужно только одно – мое лицо!

Джеванна издевалась:

– Твое прежнее лицо? Чем тебе не нравится новое? Оно тебе больше подходит. В любом случае твое прежнее лицо пропало безвозвратно.

– Пропало? Почему же?

– Его владельца подстрелили в ночном небе зеленые легионеры – да вымочит Краан в кислоте их живые мозги!

Итарр поднял голубые глаза к утесам.

– Так что твоя физиономия превратилась в пыль, в черную пыль! – злорадно промурлыкала ведьма.

Взглянув на ее дерзкое, насмешливое, сладострастно-красивое лицо, Итарр в ярости шагнул к ней, чтобы отвесить крепкую пощечину.

Но Джеванна проворно отступила:

– Будь осторожен, Итарр! Мои чары всегда со мной, тебе может не поздоровиться. Что ты скажешь, если я подарю тебе кривоногое ковыляющее тело того, чью морду ты позаимствовал? А твоя прекрасная темноволосая подруга станет игрушкой в руках демонов!

Итарр заставил себя сдержаться и тоже отступил на шаг; глаза его горели:

– Я уже разбираюсь в магии – да и без всякой магии я заставлю тебя молчать ударом кулака прежде, чем ты вымолвишь первый слог заклинания.

– Ха-ха! Посмотрим, посмотрим! – воскликнула Джеванна, бочком отбегая в сторону. – Я знаю замечательное двухсложное заклятие!

Итарр тут же бросился к ней, но ведьма успела выкрикнуть два слога. Итарр остановился как вкопанный, опустив руки по бокам – обессиленный магией, он превратился в безвольного раба, в существо, лишённое собственных побуждений.

Но Джеванна застыла в такой же позе, тупо уставившись в пространство серыми глазами. Свободной осталась только Тсаис: руна, подаренная ей Панделюмом, отражала чары на того, кто ими пользовался.

Девушка стояла в замешательстве посреди темной ночной пустоши, в компании двух безжизненных истуканов. Она подбежала к Итарру и потянула его за рукав. Тот взглянул на нее безразличными, потухшими глазами.

– Итарр! Что с тобой случилось?

Так как воля Итарра была парализована, он вынужден был отвечать на любые вопросы и выполнять любые приказания. Он ответил:

– Ведьма произнесла заклятие, лишившее меня собственной воли. Поэтому я не могу двигаться или говорить, не получив соответствующий приказ.

– Так что же мне делать? Как тебя избавить от этого заклятия? – Сама того не зная, в отчаянии Тсаис задавала правильные вопросы. Итарр стал безвольным рабом, но его мыслительные способности – и его чувства – сохранились.

Неспособный к сопротивлению, он мог предоставить, однако, требуемые сведения:

– Ты должна приказать мне действовать так, чтобы я преодолел заклятие ведьмы.

– Что я могу тебе приказать? Я ничего не знаю.

– Спрашивай, и я тебе скажу.

– Разве не лучше приказать тебе делать то, что ты хотел бы сделать сам, если бы мог?

– Да, это было бы лучше всего.

Так простодушная Тсаис сумела победить чары коварной Джеванны. Итарр снова стал самим собой и действовал согласно собственным побуждениям. Он приблизился к неподвижной ведьме:

– Теперь ты меня боишься?

– Да, – отозвалась Джеванна, – боюсь.

– Правда ли, что мое лицо, украденное тобой, превратилось в черную пыль?

– Твое лицо превратилось в черную пыль вместе со взорвавшимся демоном.

Голубые глаза пристально смотрели на ведьму из отверстий черной маски:

– Как мне вернуть прежнее лицо?

– Это почти невозможно. Это мог бы сделать только тот, кто способен вернуться в прошлое. Мне неподвластны такие чары, они неподвластны никому из волшебников Земли, и даже в мирах, населенных демонами, прошлое недоступно. Повернуть время вспять могут только два повелителя космических сил. Один из них – Панделюм, обитатель неземного радужного мира...

«Эмбелиона», – пробормотала Тсаис.

– ...Но заклинание, позволяющее посетить Эмбелион, давно забыто. Есть и другой. Он – не чародей, ему неведомы заклинания. Вернуть прежнее лицо ты сможешь только тогда, когда найдешь одного из этих двух. – Джеванна замолчала – она ответила на вопрос.

– Кто второй из двух? – спросил Итарр.

– Я имени его не знаю. Легенда гласит, что в далеком прошлом – в немыслимо далеком прошлом – в стране к востоку от Моренронских гор, за степями Рухнувшей Стены, на берегу океана жила особая раса, раса справедливых людей. Они построили город, город высоких стройных башен и низких хрустальных куполов, и жили в свое удовольствие. У этих людей не было бога; проходили века, и они почувствовали потребность в поклонении кому-нибудь или чему-нибудь. Поэтому они возвели великолепный, ослепительный храм из золота, стекла и гранита – храм выше знаменитых северных деревьев, шириной превосходивший долину реки Скаум там, где она течет по долине Высеченных Гробниц, и такой же длины. Все обитатели города честных людей собрались в этом храме. Охваченные всеобщим молитвенным порывом, они воззвали к небесам и – если доверять легенде – совместным усилием воли сотворили божество, наделенное их свойствами и характером: живого бога высшей справедливости.

Прошли тысячелетия. Обитатели города вымерли, их здания обрушились, великий храм превратился в груду обломков. Но бог еще жив – он навеки укоренился там, где ему поклонялись его создатели. Власть этого бога превыше власти правителей, ученых и чародеев. Каждому, кто обращается к нему, этот бог воздает по справедливости. Немногие, однако, осмеливаются предстать перед богом справедливости, ибо он безжалостно карает зло и никому никогда не удавалось его умиловить.

– Мы предстанем перед этим богом, – с мрачным удовлетворением решил Итарр. – Все трое, и пусть каждый из нас познает беспощадную справедливость.

Они вернулись по каменистому верещатнику к избушке Итарра, где он сразу же стал просматривать книги в поисках возможного способа перемещения к развалинам древнего храма. Но тщетно – книги молчали. Не располагая достаточными магическими средствами, Итарр обратился к Джеванне:

– Известны ли тебе чары, способные доставить нас к древнему богу?

– Да.

– В чем они заключаются?

– Я могу вызвать трех крылатых тварей с Железных гор, и они нас отвезут.

Итарр с подозрением покосился на мертвенно-белое лицо Джеванны:

– И какое вознаграждение они за это потребуют?

– Они убивают тех, кого перевозят.

– А, ведьма! – воскликнул Итарр. – Даже под властью заклатья, будучи вынуждена откровенно отвечать на вопросы, ты строишь планы нам на гибель! – Он наклонился к прекрасному исчадию зла с пышными рыжими волосами и влажными алыми губами: – Как нам добраться до бога справедливости и остаться при этом целыми и невредимыми?

– Для этого нужно заранее заколдовать перевозчиков.

– Вызови этих тварей! – приказал Итарр. – И заколдуй их всеми доступными тебе чарами так, чтобы они были послушны и не создавали для нас никакой угрозы.

Джеванна вызвала перевозчиков; они прилетели и спустились к избушке, хлопая огромными кожистыми крыльями. Ведьма наложила на них заклятие, обязывающее не нападать на наездников и оберегать их, что заставило ящеров разочарованно скулить и рыть землю когтистыми лапами.

Все трое взобрались на спины этих существ – те взмыли и понеслись над пустошью на восток, стремительно рассекая ночной воздух, уже увлажненный утренней росой.

Наступил рассвет. Впереди по темному небосклону медленно поднималось, как громадный воздушный шар, тускло-красное Солнце. Позади остались степи Рухнувшей Стены и черный хребет Моренронских гор. На юге простиралась пустыня Альмерии, а за ними – заросшее джунглями дно высохшего древнего моря; на севере темнели дикие леса.

Весь день они летели над пыльными безлюдными просторами, над серыми скалами, над еще одним горным хребтом, тянувшимся от горизонта до горизонта, и только перед заходом Солнца стали понемногу спускаться к пологим зеленым холмам, усеянным редкими деревьями.

Дальше переливалось блестящей рябью море. Крылатые твари приземлились на широкой песчаной косе, и Джеванна снова заколдовала их, чтобы они не двигались и ждали возвращения наездников.

Ни на берегу, ни в холмах не было никаких следов некогда чудесного города. Но из моря, примерно в полумиле от пляжа, поднимались несколько обломков мощных колонн.

– Море наступает, – пробормотал Итарр. – Город затопило.

Он зашел в воду. По спокойному прозрачному мелководью можно было идти, не погружаясь глубже, чем по колено. Тсаис и Джеванна последовали за Итарром. Когда в небе уже начинали стгущаться сумерки, а вода уже доходила до пояса, они добрались до разбитых колонн древнего храма.

Здесь, в этом странном месте, безошибочно ощущалось задумчивое присутствие бесстрастного божества, обладавшего непреклонной волей и безграничной властью.

Итарр остановился посреди развалин.

– Древний бог! – воззвал он. – Я не знаю, как тебя зовут – иначе я обратился бы к тебе по имени. Мы – все трое – прибыли к тебе из далекой страны в поисках справедливости. Если ты меня слышишь и готов воздать каждому из нас по заслугам, подай мне знак!

Послышался низкий рокочущий голос, исходивший ниоткуда и отовсюду:

– Я слышу и воздам каждому по заслугам!

Перед ними возникло видение: огромная золотая фигура с шестью руками и безмятежным круглым лицом, неподвижно сидящая в центральном нефе исполинского храма.

– У меня похитили лицо, – сказал Итарр. – Если ты считаешь, что это было бы справедливо, пожалуйста, верни мне первоначальный облик.

Бог справедливости распростер шесть рук:

– Я прочел твои мысли. Ты можешь снять маску.

Итарр поднял маску – медленно, непривычным движением – и ошупал пальцами лицо. Дьявольская морда исчезла, это было человеческое лицо – его лицо.

Тсаис взглянула на него и ахнула:

– Итарр! Мой мозг исправился! Я вижу – *я вижу этот мир!*

– Каждому, кто сюда приходит, воздается по справедливости, – произнес рокочущий голос.

Услышав стон, Итарр и Тсаис обернулись к Джеванне. Где было очаровательное лицо, куда делись пунцовые губы, белоснежная кожа?

Нос красавицы превратился в трех шевелящихся белых червей, рот – в гниющую язву. Обвисшая кожа ее шеи и щек поросла болтающимися зеленоватыми бородавками, ее пепельно-черный узкий лоб словно перекосило и вдавило ударами молота. От прежней Джеванны остались только длинные рыжие волосы, спускавшиеся на плечи.

– Каждому, кто сюда приходит, воздается по справедливости, – повторил низкий голос ниоткуда. Призрак великого храма поблек и растворился – кругом снова не было ничего, кроме тихо плещущей, доходящей до пояса прохладной ряби вечернего моря и темных силуэтов покосившихся сломанных колонн.

Они медленно вернулись к сидящим на берегу крылатым тварям.

Итарр повернулся к Джеванне.

– Прочь! – приказал он. – Лети в свое логово! Завтра, когда зайдет Солнце, ты освободишься от заклятия. Никогда больше нам не докучай! Я приобрел чары, которые предупредят о твоём приближении, и мне известно заклятие, которое тебя испепелит.

Джеванна без слов вобралась на спину крылатого ящера, и тот взмыл в ночное небо.

Итарр повернулся к Тсаис и взял ее за руку. Девушка слегка наклонила голову набок – Итарр смотрел ей в глаза, искрившиеся такой невыразимой радостью, что казалось, в них плясали звезды. Итарр поцеловал ее в лоб – продолжая держаться за руки, они вернулись к раздраженно ерзающим на песке ящерам и полетели назад в Асколаис.

Странник Лианэ

По сумрачному лесу, то и дело пересекая тенистые прогалины, горделивой походкой шествовал быстроногий Странник Лианэ. Он посвистывал, он напевал, он явно пребывал в прекрасном настроении. На пальце он вертел небольшой обруч из ковкой бронзы – венец, покрытый почерневшими от времени гравированными символами, угловатыми и неразборчивыми.

Ему удивительно повезло: обруч был спрятан под землей так давно, что через него успел прорасти толстый корень древнего тиса. Разрубив корень, Лианэ сразу заметил символы на внутренней поверхности кольца – грубо, но глубоко и уверенно вырезанные, несомненно содержавшие текст давно забытой чудодейственной руны... Следовало бы, конечно, показать эту вещь чародею и поручить ему проверить, в чем заключались волшебные свойства руны.

Рот Лианэ раздраженно pokrивился. С подобной проверкой были связаны определенные затруднения. Иногда возникало впечатление, что все обитатели Земли сговорились, чтобы причинять ему неприятности. Торговец пряностями, например, сегодня утром. Какую суматоху он устроил, когда умирал! Как неосмотрительно он забрызгал кровью гребешки на сандалиях Лианэ! «Тем не менее, – думал Лианэ, – любая неприятность влечет за собой своего рода возмещение». Он нашел бронзовый венец, пока рыл могилу для купца.

И настроение молодого разбойника исправилось: он ликовал, он смеялся от радости! Странник Лианэ пробежался, высоко подпрыгивая в воздух. За ним развеялся зеленый плащ, красное перо на его шляпе покачивалось и подмигивало... Тем не менее! Лианэ замедлил шаги. Он все еще не приблизился к раскрытию волшебной тайны обруча.

Настало время для эксперимента!

Лианэ остановился там, где листва высоких деревьев не мешала проникать косым рубиновым лучам Солнца, и внимательно изучил венец, проследивая ногтем бороздки иероглифов. Наклонившись, чтобы получше разглядеть символы, он почти погрузил лицо в отверстие обруча. Какая-то пленка? Что-то мигнуло? Удерживая венец в вытянутой руке, Лианэ снова оценил его со стороны. Очевидно, венец был предназначен для украшения головы. Лианэ сорвал остроконечную шляпу и надел венец на голову, вращая большими золотисто-кариими глазами и горделиво прихорашиваясь... Странно! Венец соскользнул ему на уши и надвинулся на глаза. Мрак! Лианэ схватился за обруч и поднял его над головой... Бронзовое кольцо, диаметром чуть больше ладони. Каким образом оно расширилось и напозало на глаза? Чудеса, да и только!

Он снова надел венец. Обруч соскользнул по голове ему на плечи. Теперь его голова находилась в сумраке, в каком-то ином, особом пространстве. Глядя вниз, Лианэ заметил, что чем ниже находилось кольцо, тем тусклее становился свет снаружи.

Обруч постепенно опускался... Теперь он был на уровне его лодыжек... Внезапно охваченный паникой, Лианэ поспешно взялся за кольцо и поднял его вдоль всего тела, выше головы. Часто моргая, он снова очутился в лесу, озаренном коричневато-красными солнечными лучами.

На фоне листвы пронеслась и зависла в воздухе стрекоза с отливающими зеленым и голубым блеском крыльями. На стрекозе сидел маленький человечек – эльф-ихневмон.

Лианэ громко позвал его:

– Эй! Подожди! Будь так любезен!

Эльф посадил стрекозу на веточку:

– Привет, Лианэ. Что тебе понадобилось?

– Понаблюдай за мной и запомни то, что увидишь. – Лианэ надел бронзовый венец на голову и опустил его до самых ступней, после чего снова поднял над головой. Взглянув на ихневмона, задумчиво жевавшего кусочек ближайшего листа, он спросил: – Так что же ты видел?

– Я видел, как Лианэ исчез – пропал, стал невидимкой – весь, кроме закрученных носков красных сандалий. Все остальное превратилось в воздух.

– Ха! – воскликнул Лианэ. – Подумать только! Ты когда-нибудь видел что-нибудь подобное?

Эльф беззаботно спросил:

– Соль у тебя есть? Я не отказался бы от щепотки соли.

К разбойнику вернулась деловитая серьезность; он внимательно посмотрел на ихневмона:

– У тебя есть новости?

– Три эрба прикончили Флореджина Грезотворца и проткнули все его пузыри. Их обрывки еще долго порхали над крышей его усадьбы.

– Грамм соли!

– Лорд Кандив Златокудрый построил баркас из резного дерева мо, с бортами высотой в десять бревен, чтобы принять участие в Регате. Баржа полна сокровищ и плывет вниз по течению Скаума.

– Два грамма!

– Золотистая ведьма по имени Лит поселилась на Тамберском лугу. Она очень красива, и у нее покладистый характер.

– Три грамма!

– Довольно! – сказал ихневмон и наклонился, чтобы проследить за тем, как Странник Лианэ отмерял соль на миниатюрных весах. Эльф насыпал соль в маленькие корзинки, висевшие по бокам ребристого туловища стрекозы, пришпорил насекомое и умчался куда-то, лавируя мерцающими зигзагами между стволами деревьев.

Лианэ снова попробовал надеть волшебный обруч; на этот раз он опустил его до самой земли, шагнул в сторону и повесил кольцо на руку, чтобы оно оставалось внутри окружившей его оболочки сумрака. Чудесное убежище! Причем вход в него – обруч – можно было спрятать в самом убежище! А для того чтобы выйти, достаточно было вступить в обруч обеими ногами, поднять его вдоль стройного торса и над плечами – вот так! – и Лианэ снова появился в лесу с бронзовым венцом в руке.

Хо-хо! Пора было навестить прекрасную золотистую ведьму на Тамберском лугу.

В небольшой куполообразной хижине ведьмы, сплетенной из тростника и ничем не украшенной, были устроены два круглых окна и низкая дверь. Подобрав белую юбку и туго обернув ее вокруг бедер, босая Лит забрела по колено в серебрившийся неподалеку пруд и ловила лягушек на ужин. Она стояла неподвижно, но от ее стройных ног на поверхности воды еще расходились круги темной ряби.

Красота ее превосходила воображение Странника Лианэ – казалось, один из зачарованных пузырей погибшего Флореджина лопнул над водой и породил волшебное видение. Ее бледно-кремовая кожа отливала золотом, волосы напоминали волну более плотного, слегка увлажненного золота. Ее глаза походили на глаза самого Лианэ – огромные, прозрачные, золотисто-карие, – но у нее они были шире расставлены и отличались слегка миндалевидной формой.

Лианэ решительно направился к ней и остановился на берегу. Ведьма испуганно обернулась, чуть приоткрыв чувственный алый рот.

– Внемли, золотистая ведьма! Перед тобой – Странник Лианэ! Он пришел, чтобы приветствовать тебя в Тамбере и предложить тебе свою дружбу и любовь...

Лит наклонилась, набрала у берега горсть болотной слизи и швырнула ее в лицо разбойнику.

Разразившись злобными проклятиями, Лианэ протер глаза, но к тому времени Лит уже скрылась в хижине и захлопнула дверь.

Лианэ тут же подошел к двери и громко постучал:

– Открой и покажись, ведьма, а не то я сожгу дотла твоё жилище!

Дверь приоткрылась, красавица выглянула и улыбнулась:

– Ну и что теперь?

Лианэ вломился в хижину и попытался наброситься на ведьму, но ему навстречу выскочили двадцать металлических лезвий – двадцать острых наконечников укололи его в грудь. Разбойник замер, приподняв брови; губы его нервно подергивались.

– Сталь, прочь! – приказала Лит. Лезвия мигом исчезли. – Если бы я захотела, – произнесла золотистая ведьма, – я могла бы лишить тебя жизни, не сходя с места.

Лианэ нахмурился и погладил подбородок, словно задумавшись.

– Ты же понимаешь, – серьезно сказал он, – насколько бессмысленно твоё поведение. Странника Лианэ боится каждый, кто страшится страха, и любит каждый, кто любит любовь. А ты, – он шарил жадными глазами по всему ее великолепному золотистому телу, – ты созрела, как сладостный плод, тебе не терпится любить, ты блещешь и трепещешь от любви. Ты нравишься Страннику Лианэ, он поделится с тобой пламенем души!

– Нет-нет! – погрозила ему пальцем ведьма, загадочно улыбаясь. – Ты слишком торопишься.

Лианэ удивленно взглянул ей в глаза:

– Неужели?

– Я – ведьма по имени Лит, – отозвалась она. – Ты не ошибся: я возбуждена, я пылаю, я изнываю от страсти! Но моим любовником может стать только тот, кто мне послужит. Он должен быть храбр, ловок и хитер.

– И я таков! – заявил Лианэ. Закусив губу, он прибавил: – Все это ни к чему. Ненавижу нерешительность! – Разбойник сделал шаг вперед. – Послушай, давай-ка...

Ведьма отступила:

– Нет-нет. Ты забыл. Разве ты мне послужил? Разве ты завоевал право на мою любовь?

– Чепуха! – возмутился Лианэ. – Только посмотри на меня! Неужели ты не замечаешь совершенство моих благородных манер, мое превосходное телосложение, красоту лица и моих огромных глаз, таких же золотистых, как твои, мое умение подчинять все и вся своей воле и своей власти... Это ты должна мне служить, а не я тебе. Так оно должно быть, так оно и будет. – Он присел на низкий диван. – Поддай мне вина, женщина!

Лит покачала головой:

– Под сенью этой маленькой хижины меня невозможно ни к чему принудить. Может быть, снаружи, на Тамберском лугу, у тебя что-нибудь получилось бы, но здесь, среди моих подвесок с синими и красными кисточками, где по одному моему слову тебя готовы проткнуть двадцать стальных лезвий, – здесь тебе придется мне подчиняться... Так что выбирай. Встань и уходи, чтобы никогда не возвращаться, – или обещай мне послужить и выполнить одно небольшое поручение, после чего я стану твоей со всем пылом безудержной страсти.

Лианэ сидел, напряженно выпрямившись. Странное создание, эта золотистая ведьма! Тем не менее ради ее благосклонности стоило немного потрудиться – в конечном счете, так или иначе, она дорого заплатит за свою дерзость!

– Что ж, хорошо! – бесцветным тоном ответил он. – Я тебе послужу. Чего ты хочешь? Драгоценностей? Я могу задушить тебя жемчугом и ослепить алмазами. У меня есть два изумруда, каждый величиной с кулак, – это не камни, а зеленые океаны, в которых тонет взор, вечно блуждающий в лабиринте граней зеленых призм...

– Нет, самоцветы мне не нужны.

– Может быть, у тебя есть враг? Тогда все очень просто. Ради тебя Лианэ прикончит десятерых. Два шага вперед, выпад – *вот так!* – Лианэ вскочил и выбросил руку вперед жестом заправского фехтовальщика. – И души воспаряют к небу, дрожа и покачиваясь, как пузырьки в бокале шипучего вина.

– Нет, мне не нужны убийства.

Лианэ снова присел и нахмурился:

– Чего же ты хочешь?

Ведьма отошла в глубину хижины и отодвинула штору. За ней висел расшитый золотом гобелен, изображавший обширную долину, окаймленную двумя крутыми горными склонами; мирная река текла по долине мимо небольшого тихого селения и пропадала в роще. Река, горы и деревья – все было вышито золотом настолько богатых, контрастных и тонких оттенков, что настенный ковер выглядел как многоцветный пейзаж. Но верхняя половина пейзажа отсутствовала – кто-то грубо отрезал ее ножом или отсек ударом сабли.

Лианэ был очарован:

– Мастерская работа, шедевр...

– Здесь изображена очарованная долина Аривенты, – сказала Лит. – Другую половину у меня похитили, и я хотела бы, чтобы ты ее вернул.

– Где другая половина? – поинтересовался Лианэ. – И кто совершил такое святотатство?

Теперь ведьма внимательно наблюдала за разбойником:

– Ты когда-нибудь слышал о Чуне? О Чуне Неизбежном?

Лианэ задумался:

– Нет.

– Чун украл половину ковра и повесил ее в мраморном зале, в развалинах к северу от Кайина.

– Ха! – хмыкнул Лианэ.

– Мраморный зал Чуна – за Площадью Шорохов. Перед входом – покосившаяся колонна с черным медальоном, изображающим феникса и двуглавую ящерицу.

– Пора идти! – Лианэ поднялся. – Один день до Кайина, второй день займет похищение ковра, еще один день – и я вернусь. Три дня.

Лит проводила его до выхода.

– Берегись Чуна Неизбежного! – прошептала она.

Посвистывая, Лианэ пустился в путь – красное перо покачивалось на его зеленой остроконечной шляпе. Лит смотрела ему вслед, после чего повернулась и подошла к сияющему гобелену.

– Золотая Аривента! – тихо сказала она. – Сердце мое сжимается и болит: когда я увижу тебя снова?

Дерна плещется в теснинах резвее Скаума, своей полноводной южной сестры. Скаум степенно струится по широкой долине, пылающей красновато-лиловыми кронами цветущих конских каштанов, почти скрывающих белесые и серые остатки крепостных стен, тогда как Дерна прорубила обрывистый каньон, обступивший ее утесами с лесистыми вершинами.

Древняя кремнистая дорога некогда сопровождала Дерну вниз по течению, но со временем извилины реки подмыли паводками ветхую насыпь, в связи с чем Страннику Лианэ

местами приходилось пробираться верхами через заросли терновника и подвывавшей на ветру трубчатой травы.

Красное Солнце, ползущее в пространстве подобно кряхтящему старцу, взбирающемуся на постель, чтобы забыться последним сном, уже опускалось к горизонту, когда Лианэ достиг Порфириносного обрыва и взглянул с горных высот на окольцованный белокаменными стенами Кайин и синеющий вдали залив Санреале.

Непосредственно под обрывом расположился рынок: неразбериха прилавков, заваленных фруктами, ломтями бледного мяса, моллюсками с илистых отмелей, матовыми флягами с вином. Немногословные обитатели Кайина переходили от одного ларька к другому, приобретали провизию и несли ее – кто в корзинах, кто в мешках, перекинутых через плечо, – в свои каменные жилища.

За рынком виднелось неровное кольцо оснований широких опор, напоминавших остатки гнилых зубов, – когда-то они поддерживали арену, сооруженную безумным королем Шином в семидесяти метрах над землей; дальше из лавровой рощи выглядывал глянцевый купол дворца Кандива Златокудрого, правившего Кайином и значительной частью Асколаиса – по меньшей мере всеми землями, какие можно было окинуть взором с высоты Порфириносного обрыва.

Дерна, утратив былую чистоту, орошала город, растекаясь по промозглым замшелым каналам и подземным трубам, в конечном счете просачиваясь в залив Санреале между подгнившими сваями причалов.

«Нужно где-то переночевать, – подумал Лианэ. – Дело может подождать до утра».

Разбойник вприпрыжку спустился по зигзагам ступеней – направо, налево, снова направо, опять налево – и вышел на рыночную площадь. Здесь он напустил на себя важность и строго поглядывал по сторонам. Странника Лианэ не впервые видели в Кайине, и многие из местных жителей затаили на него обиду, достаточную для того, чтобы от них можно было ожидать всевозможных неприятностей.

Лианэ спокойно прошелся в тени Паннонской стены и повернул в мощенную булыжником узкую улочку, стесненную старыми бревенчатыми домами и блестящую в лучах заходящего Солнца многочисленными отражениями маленьких коричневых луж. Вскоре он вышел на небольшую площадь и оказался перед высоким каменным фасадом «Приюта чародея».

Хозяин, низенький толстяк с печальными глазами и коротким пухлым носом, повторявшим в миниатюре округлые формы его тела, вычищал пепел из очага. Заметив посетителя, он выпрямился и поспешно спрятался за конторкой в маленьком алькове.

Лианэ произнес:

– Хорошо проветренную комнату и ужин – грибы, вино и устрицы.

Трактирщик почтительно поклонился:

– Будет сделано. И каким образом вы намерены платить?

Разбойник бросил на прилавок кожаный мешочек, добытый грабежом на рассвете. Почуввав аромат, исходивший от мешочка, хозяин гостиницы поднял брови – он был приятно удивлен.

– Порошок из почек заморского космогуста, – пояснил Лианэ.

– Превосходно, превосходно... Вот ключ от вашей комнаты, сударь, – ужин подадут сию минуту.

Пока Лианэ подкреплялся, в трактире появились еще несколько постояльцев; они уселись за столом у камина с кружками вина и завели разговор то об одном, то о другом, но главным образом о чародеях прошлого и о славных временах, когда на Земле царил волшебство.

– Великий Фандаал знал и понимал многое, чего уже никто не помнит, – рассуждал старик с оранжевой шевелюрой. – Он привязывал к ногам воробьев белые и черные шнурки и выпускал птиц в небо. Те порхали по его указке, описывая в воздухе колдовские руны, и под ними появлялись, как в сказке, высокие деревья, усыпанные цветами и обремененные фрук-

тами и орехами, а в траве между корнями лежали пузатые бутылки, полные редких настоек и ликеров. Говорят, таким образом он сотворил великий лес Даа на берегах озера Санра.

– Ха! – отозвался угрюмый субъект в костюме из темно-синей, коричневой и черной ткани. – Я тоже так могу.

Он вынул из кармана шнурок, потряс им в воздухе, покрутил его, что-то тихо сказал – и шнурок ожил ярким орнаментом, превратившись в язык красного и желтого пламени; он танцевал над столом, скручиваясь и разворачиваясь то в одну, то в другую сторону, пока угрюмый чародей не прекратил эту пляску лаконичным жестом.

– Невелика наука! – заметил прятавший лицо под капюшоном человек в черном плаще, расшитом блестящими серебристыми кольцами. Он вынул из-за пазухи маленькую кювету, поставил ее на стол и насыпал в нее щепотку пепла из очага, после чего поднял ко рту свисток. Послышался хрустально-звонкий сигнал: из кюветы вылетели блестящие искорки, переливавшиеся призматическими лучами – красными, синими, зелеными, желтыми. Взлетая примерно вровень с лицами сидящих за столом, искры вспыхивали одна за одной, как разноцветные звездчатые узоры калейдоскопа, причем каждая красивая вспышка сопровождалась тихим отзвуком первоначального магического сигнала – чистейшего, прозрачного, не от мира сего. Искристых крупинок становилось меньше, и волшебник подал еще один, другой сигнал; снова искры воспарили и стали вспыхивать великолепным орнаментальным фейерверком. Третий сигнал вызвал к жизни новый кружащийся рой сверкающих крупинок. Наконец чародей спрятав свисток, аккуратно протер кювету, засунул ее за пазуху плаща и молча откинулся на спинку стула.

Теперь спешили демонстрировать свое мастерство и другие чародеи – воздух над столом наполнился плывущими видениями, трепещущими магической энергией. Один волшебник сотворил сочетание девяти невиданных, неизъяснимо обворожительных лучистых цветов; заклинание другого привело к появлению на лбу трактирщика второго рта, язвительно оскорблявшего всех собравшихся – к великому смущению хозяина заведения, так как заколдованный рот вещал его собственным голосом. Третий чародей выставил на стол зеленую стеклянную бутылку, в которой сидел, скорчившись, гримасничающий бес. Четвертый вынул из сумки небольшой хрустальный шар, катавшийся по столу в разных направлениях по приказу владельца, утверждавшего, что этот шар некогда был вставлен в серьгу легендарного гроссмейстера магии Санкаферрина.

Странник Лианэ внимательно наблюдал за происходящим. Он вздохнул от восхищения, увидев бесенка в бутылке, и пытался выпросить послушный хрустальный шар у его владельца – но безуспешно.

Лианэ обиделся и стал жаловаться на судьбу, заявляя, что мир населен жестокосердными скупцами, но чародей, повелевавший чудесным шаром, остался глух к просьбам разбойника – он отказался расстаться с хрустальной игрушкой даже тогда, когда Лианэ выложил перед ним дюжину пакетиков с редкими пряностями.

Лианэ умолял:

– Я всего лишь хочу доставить удовольствие прекрасной ведьме Лит.

– Ну и доставляй ей удовольствие пряностями.

– В самом деле, – изобретательно нашелся Лианэ, – она хочет только одного: чтобы ей вернули похищенный кусок гобелена, и я обещал ей украсть его у Чуна Неизбежного.

Теперь он переводил взгляд с одного внезапно молчаливого лица на другое.

– Что вас сразу отрезвило? Эй, хозяин! Неси еще вина!

Владелец магической серьги поднял брови:

– Даже если бы мы сидели по колено в ароматном красном вине Танквилата, одно упоминание этого тяжелого имени заставило бы замолчать самую веселую компанию.

– Ха! – Лианэ рассмеялся. – Вы когда-нибудь пробовали это вино? Одни его пары стирают любые неприятные воспоминания.

– Смотрите, какие у него глаза! – прошептал кто-то из чародеев. – Огромные, золотистые!

– И сразу замечают все вокруг, – откликнулся Лианэ. – А мои быстрые ноги несут меня легко и привольно, как отблеск звездного света по волнам. А эти руки – и левая, и правая – одинаково ловко нанизывают человека на стальной клинок. А мое волшебство позволяет мне прятаться так, что никто никогда не сможет меня найти. – Лианэ отхлебнул вина из кувшина. – Смотрите и учитесь! Вот настоящая древняя магия!

Он надел на голову бронзовый обруч, опустил его до пола, шагнул в сторону, наклонился и подобрал волшебный венец внутри окружившей его оболочки сумрака. Когда Лианэ решил, что прошло достаточно времени, он снова вступил в кольцо и поднял его.

В камине пылали угли, владелец гостиницы стоял в алькове. Кувшин с вином остался на столе. Но собравшиеся за столом чародеи исчезли бесследно.

Лианэ в замешательстве смотрел по сторонам:

– Куда подевались мои друзья-волшебники?

Трактирщик обернулся:

– Разошлись по комнатам: вы произнесли имя, отяготившее их души.

Нахмурившись, Лианэ допил вино в полном молчании.

На следующее утро он покинул гостиницу и направился окольным путем в Старый Город – безрадостный пустынный лабиринт просевших террас, поросших суховатым мхом, рухнувших пилонов, выветренных блоков песчаника и покосившихся цоколей с уже почти неразборчивыми письменами. В развалинах сновали ящерицы, ползали змеи, кишели насекомые; других признаков жизни не было.

Пробираясь среди обломков, Лианэ чуть не споткнулся о труп – тело юноши, смотревшее в небо пустыми глазницами.

Разбойник почувствовал чье-то присутствие. Он отскочил, наполовину вытащив шпагу из ножен. Неподалеку стоял наблюдавший за ним согбенный старец. Старец спросил слабым, дрожащим голосом:

– Зачем ты пришел в Старый Город?

Лианэ вложил шпагу в ножны:

– Я ищу Площадь Шорохов. Может быть, вы знаете, где она?

Старец раздраженно крикнул:

– Опять? Опять? Когда это кончится? – Он указал на тело юноши. – Этот явился вчера, тоже искал Площадь Шорохов. Хотел что-то украсть у Чуна Неизбежного. И вот что случилось. – Долгожитель отвернулся. – Иди за мной. – Согбенная фигура исчезла за грудой камней.

Лианэ последовал за старцем. Тот остановился у еще одного трупа с окровавленными выцарапанными глазницами.

– Этот пришел четыре дня тому назад и повстречался с Чуном... Там, под аркой – третий, могучий рыцарь в малиновых доспехах. И там – и там... – Он показывал то в одну, то в другую сторону. – И здесь, и здесь... Все валяются, как раздавленные мухи.

Старец обратил на Лианэ взор водянистых голубых глаз:

– Вернись, молодой человек, вернись восвояси! Иначе и твое тело в зеленом плаще будет гнить на каменных плитах Старого Города!

Лианэ вынул шпагу и рассек воздух широким взмахом:

– Я – Странник Лианэ! Пусть трепещет тот, кто встанет на моем пути! И где же наконец Площадь Шорохов?

– Если тебе так хочется знать, – ответил старик, – она за этим обломком обелиска. Иди же! Иди на свой страх и риск.

– Я – Странник Лианэ! Страх и риск сопровождают меня, как тень!

Старец стоял неподвижно и молча, как древняя статуя; Лианэ направился дальше.

«Предположим, – говорил себе разбойник, – что старик – помощник Чуна и что он уже сию минуту спешит сообщить Чуну о моем прибытии? Необходимо принять меры предосторожности». Лианэ вспрыгнул на высокий антаблемент и, пригнувшись, прокрался туда, где расстался с долгожителем.

Старик куда-то брел, опираясь на посох и бормоча себе под нос. Лианэ сбросил на него кусок гранита величиной с голову. Глухой удар, хриплый возглас – и Лианэ пошел своей дорогой.

Обогнув обломок обелиска, он оказался на просторном дворе – на Площади Шорохов. Прямо напротив возвышался обширный чертог, отмеченный покосившейся колонной с большим черным медальоном, изображавшим феникса и двуглавую ящерицу.

Странник Лианэ слился с тенью под стеной и замер, с волчьей бдительностью ожидая любых признаков движения.

Ничто не шелохнулось. Солнечный свет придавал развалинам мрачное величие. Со всех сторон, насколько мог видеть глаз, не было ничего, кроме разбитого камня, – пустыня, усеянная тысячами руин, где дух присутствия человека уже полностью исчез, а остатки человеческой деятельности уже казались частью естественного ландшафта.

Солнце постепенно перемещалось по темно-синему небу. Через некоторое время Лианэ крадучись покинул свой наблюдательный пост и направился в обход сооружения. По пути он не заметил никаких признаков чьего-либо присутствия.

Он приблизился к зданию с тыльной стороны и приложил ухо к стене. Стена молчала – Лианэ не ощутил никакой вибрации. Осторожно оглядываясь и посматривая вверх, Лианэ повернул за угол: в стене темнел пролом. Лианэ заглянул в пролом. С внутренней стороны задней стены висел расшитый золотом гобелен. В зале больше ничего и никого не было.

Лианэ снова убедился в том, что ни сверху, ни снаружи никто за ним не следил. Ничто не возбуждало подозрений. Он направился дальше вдоль наружной стороны стены.

Ему встретился еще один пролом. Он снова заглянул внутрь. С внутренней стороны задней стены все еще висел сияющий золотом гобелен. Ни справа, ни слева опять никого не было; ничто не шевелилось, царила полная тишина.

Мало-помалу Лианэ достиг передней стены зала и внимательно осмотрел углубления карниза: ничего, кроме пыли, в них не было.

Отсюда, перед входом, он видел все внутреннее помещение – пустое, безжизненное; монотонную мрачность голых стен нарушало только золотистое пятно ковра.

Лианэ зашел внутрь размашистыми бесшумными шагами и остановился посреди зала. Свет струился со всех сторон, но не в глаза – ничто не мешало видеть сверкавший на тыльной стене гобелен. Проломов в стенах, позволявших стремительно скрыться в том или ином направлении, было не меньше дюжины; Лианэ ничего не слышал, кроме глухого стука собственного сердца.

Он сделал два шага вперед. Гобелен был близко – казалось, он уже мог дотянуться до него рукой.

Лианэ подскочил к золотистому ковру и сорвал его со стены.

У него за спиной стоял Чун Неизбежный.

Лианэ вскрикнул. Он повернулся на одеревеневших ногах – ноги словно налились свинцом и отказывались подчиняться, как в кошмарном сне.

Чун, словно выступивший из стены, приближался. На его блестящей черной спине покачивалась мантия из перевязанных шелком человеческих глаз.

К Страннику Лианэ вернулась легкость ног – он побежал. Как он бежал! Он летел стремительными прыжками – носки его сандалий едва прикасались к земле. Прочь из зала, по

площади, в лабиринт разбитых статуй и обвалившихся колонн бежал Лианэ... Вслед за ним с деловитой сосредоточенностью гончего пса мчался Чун Неизбежный.

Лианэ вскочил на стену, пробежал по ней, перелетел через широкий разлом, прыгнул к пересохшему разбитому фонтану. Чун не отставал.

Лианэ бросился в узкий переулок, вскарабкался по груде мусора на крышу какого-то дома, прыгнул во внутренний двор. Чун не отставал.

Лианэ пустился со всех ног по широкому бульвару, окаймленному чахлыми, старыми кипарисами, – Чун догонял его, он уже слышал частый топот его ног. Лианэ свернул в подворотню, надел на голову бронзовый обруч, опустил его до ступней, шагнул в сторону и подобрал кольцо, остановившись в оболочке сумрака. Убежище! Странник Лианэ замер в темном магическом пространстве, скрывшись от взоров всех обитателей Земли, недоступный их пониманию. В сумрачной оболочке невидимости наступила настороженная тишина...

Он почувствовал дуновение за спиной.

Тихий голос сказал ему на ухо:

– Я – Чун Неизбежный.

Золотистая ведьма Лит сидела на диване и шила при свечах шапочку из лягушачьих шкурок. Дверь в ее хижину была заперта на засов, окна закрыты ставнями. Ночная тьма спустилась на Тамберский луг.

Снаружи послышался какой-то скрип, кто-то пробовал ее открыть. Лит напряглась и замерла, глядя на дверь.

Голос за дверью произнес:

– Сегодня ночью, о прекрасная Лит, – сегодня ночью я принес тебе две длинные яркие золотые нити. Две – потому что у него были огромные, красивые золотистые глаза...

Лит молча сидела. Подождав не меньше часа, она подкралась к двери и прислушалась. Судя по всему, вокруг никого не было. Неподалеку квакнула лягушка.

Лит приоткрыла дверь, распахнула ее, подобрала золотые нити и захлопнула дверь. Подбежав к расшитому золотом гобелену, она закрепила нити в разрыве так, как они были расположены прежде.

Долго она стояла и смотрела на золотую долину, охваченная мучительной тоской по Ариенте, пока мирно струившаяся река и безмятежный золотой лес не помутнели в пелене слез... Когда-нибудь, в один прекрасный день, все это кончится – и она вернется домой...

Как Юлан Дор положил конец мечте

Принц Кандив Златокудрый строго предупредил племянника:

– Надеюсь, ты понимаешь, что любые добытые тобой полезные сведения и практически применимые познания мастеров древности будут принадлежать мне в той же степени, что и тебе.

Юлан Дор, стройный бледный юноша с шевелюрой и бровями чернее воронова крыла, скорбно усмехнулся:

– Но плыть по волнам давно неизведанного океана и отбиваться веслами от морских демонов придется мне.

Кандив откинулся на подушки дивана, почесывая нос кольцом из резного нефрита:

– При том, что все это предприятие возможно только благодаря мне. Я уже постиг основы магии – дополнительные откровения послужат лишь совершенствованию моих навыков. В то время как ты, не научившись до сих пор даже простейшим заклинаниям, приобретешь знания, способные возвести тебя на уровень лучших чародеев Асколаиса. Что просто несравнимо с твоим нынешним ничтожеством. Смотри на вещи с этой точки зрения: я извлекаю незначительную выгоду, а ты – огромную.

Юлан Дор поморщился:

– Можно сказать и так, хотя я не стал бы злоупотреблять эпитетом «ничтожество». Я знаком с «Критикой энтропии» Фандаала и заслужил репутацию превосходного фехтовальщика, меня причислили к братству «Восьми делафазийцев» в качестве...

Принц язвительно фыркнул:

– Бессильная показуха бездарных прожигателей жизни! Вы убиваете для развлечения и устраиваете экстравагантные дебоши, тогда как завтра может не взойти Солнце! Причем ни один из вас не сделал ни шагу за окраины Кайина.

Юлан придержал язык, хотя мог бы напомнить о том, что Кандив Златокудрый вовсе не сторонился радостей пьянства, похоти и обжорства, а если принц и удалялся когда-либо из увенчанного перламутровым куполом дворца, то исключительно для того, чтобы покататься на баркасе из резного дерева по зеркальным водам устья Скаума.

Умиротворенный молчанием племянника, Кандив приподнял со столешницы ларец из слоновой кости:

– Вот таким образом. Если мы согласны, и у тебя нет возражений, я сообщу тебе подробности.

Юлан кивнул:

– Я согласен.

– Тебе предстоит найти затерянный город Ампридатвир, – сказал Кандив. Принц искоса наблюдал за племянником; тот сохранял видимость спокойствия. – Я никогда там не был, – продолжал Кандив. – Поррина Девятая упоминает о нем как о последнем городе олекхнитов, на острове в Северном Мелантинском заливе. – Принц открыл ларец. – Я нашел это предание в связке древних свитков – завещание поэта, бежавшего из Ампридатвира после кончины Рогола Домедонфорса, последнего великого вождя олекхнитов, могущественного чародея, поименованного в Циклопедии сорок три раза...

Принц вынул из ларца потрескивающий от старости свиток, развернул его взмахом руки и прочел:

Ампридатовиру приходит конец. Мой народ предал забвению принципы, внушавшие волю к жизни и дисциплину, – отныне горожане озабочены исключительно суевериями и теологией. Продолжается бесконечная свара: следует ли считать Пансиу всевышней сущностью, а Каздала – исчадием порока? Или же Каздал – добродетельное божество, а Пансиу – средоточие зла?

Эти вопросы решаются огнем и мечом – воспоминания отравляют мне кровь. Я покидаю Ампридатовир, где упадок и крах неизбежны, чтобы скрыться в уютной долине Мель-Палузаса: там погаснет светлячок моего бытия.

Мне привелось повидать былой Ампридатовир: башни, озаренные чудесным сиянием, вонзающиеся в ночное небо ослепительные лучи, готовые поспорить с Солнцем... Ампридатовир был прекрасен тогда – и сердце мое сжимается, когда я вспоминаю мой древний город. С балконов тысяч висячих садов спускались каскады семирских лоз, вода – голубая, как подсвеченная фируза, – струилась по трем каналам... Металлические экипажи сновали по улицам, металлические воздушные аппараты роились в воздухе, как пчелы вокруг улья, – чудеса из чудес! Мы приручили потоки ревущего пламени и презирали притягательную силу Земли... Увы! На протяжении всей своей жизни я наблюдал постепенное истощение духа. От избытка меда липнет язык; от избытка вина мутнеет ум; избыток удобств, легкость жизни лишают человека стойкости и предприимчивости. Свет, тепло, пища, вода – все это доставалось любому безвозмездно, не требовало почти никаких усилий. Избавившись от забот, обитатели Ампридатовира уделяли все большие внимания эфемерным фантазиям, извращениям и мистическим суевериям.

Все эти годы – с тех пор как я себя помню – городом правил Рогол Домедонфорс. Ему были известны все предания, дошедшие до нас из сумрака древности, тайны огня и света, силы тяжести и силы, им противодействующие, методы суперфизического исчисления, метафазмы, королюсис. Несмотря на бездну его познаний, в качестве правителя Рогол отличался непрактичностью и не замечал изнеженность духа, заразившую Ампридатовир. Проявления слабости и летаргии он объяснял недостатком просвещения; свои последние годы он посвятил созданию чудовищной машины, избавлявшей людей от любого труда и позволявшей им посвящать почти все отныне свободное время медитации и аскетической самодисциплине.

Пока Рогол близился к завершению своего грандиозного проекта, город охватили беспорядки, вызванные истерическими религиозными распрями по самому смехотворному поводу.

Соперничающие секты приверженцев Пансиу и Каздала существовали уже давно, но лишь немногие, помимо жрецов, участвовали в диспутах. Внезапно эти культы вошли в моду; толпы горожан увлеклись поклонением тому или иному божеству. Жрецы, ревностно разжигавшие рознь из поколения в поколение, обрадовались своему неожиданно возросшему влиянию и распаляли фанатизм новообращенных. Возникли трения, разгорелись страсти, начались мятежи и вспышки насилия. В один ужасный день кто-то запустил камнем в голову Рогола Домедонфорса, наблюдавшего с балкона за стычкой горожан, и правитель упал на мостовую.

Искалеченный, дышащий на ладан, Рогол отказывался умирать и завершил строительство своего подземного механизма, порталы которого

рассредоточены по всему городу, – и только после этого приготовился прощаться с жизнью. Рогол Домедонфорс ввел инструкции для новой машины, и, когда Ампридатвир проснулся утром следующего дня, в городе не было энергии и света – производившие провизию фабрики остановились, и даже вода больше не поступала в каналы.

Горожане в ужасе бросились к Роголу, и тот сказал:

– Ваше разложение, ваши упадочные чудачества не ускользнули от моего внимания: отныне я вас презираю. Вы причинили мне смерть.

– Но город гибнет! Народ вымрет! – восклицали обыватели.

– Вам придется самим себя спасать, – отвечал Рогол Домедонфорс. – Вы пренебрегли мудрыми традициями древности, обленились и перестали учиться, искали легкого утешения в религии вместо того, чтобы обратиться лицом к действительности, как подобает настоящим людям. Посему я решил преподать вам горький урок – надеюсь, он пойдет вам на пользу.

Рогол призвал верховных жрецов Пансиу и Каздала и передал каждому из них скрижаль из прозрачного металла:

– По отдельности эти скрижали бесполезны. Только сложив их вместе, можно прочесть то, что на них написано. Тот, кто прочтет заветы, начертанные на скрижалях, получит доступ к наследию древних мудрецов и приобретет власть, которой я намеревался воспользоваться. А теперь уходите – я хочу умереть.

Гневно поглядывая друг на друга, жрецы удалились и собрали полчища своих последователей. Началась великая война.

Тело Рогола Домедонфорса не нашли – иные считают, что его скелет все еще лежит где-то в лабиринте городских подземелий. Скрижали спрятаны в соперничающих храмах. По ночам совершаются убийства, днем голодающие падают от истощения и умирают на улицах. Многие бежали на континент – и теперь я следую за ними, попрощавшись с Ампридатвиром, последним прибежищем моей расы. Я построю себе бревенчатую хижину на склоне горы Лиу и проведу последние дни в долине Мель-Палузаса.

Принц Кандив свернул свиток и вложил его в ларец.

– Твоя задача, – сказал он Юлану, – заключается в том, чтобы найти Ампридатвир и раздобыть магические познания Рогола Домедонфорса.

– Все это было так давно... – задумчиво произнес Юлан Дор. – Прошли тысячи лет...

– Совершенно верно! – отозвался Кандив. – Тем не менее ни в одной из исторических хроник последующих эпох имя Рогола Домедонфорса не упоминается, в связи с чем у меня есть основания полагать, что его наследие остается погребенным в руинах древнего Ампридатвира.

Три недели Юлан Дор плыл под парусом по вялому океану. Ярко-красное Солнце вздувалось над горизонтом и карабкалось по небосклону; спокойствие вод нарушалось лишь рябью, возбужденной легким ветерком, и расходящимися кильватерными струями.

Затем начинался закат, когда светило бросало последний скорбный взгляд на пустынное море, сгущались лиловые сумерки и наступала ночь. В небе мерцали россыпи древних звезд, а завихрения за кормой приобретали призрачно-белый оттенок. По ночам Юлан с особой остротой ощущал свое одиночество в безбрежной тьме океана и настораживался каждый раз, когда ему казалось, что нечто всплывало над ровной поверхностью вод.

Три недели Юлан Дор плыл на северо-запад по Мелантинской Пучине и однажды утром заметил справа смутную тень побережья, а слева – очертания острова, почти терявшиеся в дымке.

Ближе, прямо по курсу, лениво покачивался нескладный баркас под квадратным парусом из тростниковых циновок.

Юлан повернул, чтобы подплыть бок о бок к баркасу, на борту которого ловили рыбу на блесну два человека в подпоясанных блузах из зеленого домотканого сукна. У обоих были волосы соломенного оттенка и голубые глаза; увидев незнакомца, они застыли в остоленении.

Юлан спустил парус и причалил к баркасу. Рыбаки не шевелились и молчали.

– Похоже на то, что вы давно не видели других людей, – сказал Юлан.

Старший рыбак нервно промышал какое-то заклинание – по-видимому, таким образом он надеялся защититься от демонов и наваждений.

Юлан Дор рассмеялся:

– Почему ты бормочешь молитвы? Я такой же человек, как ты.

Тот, что помоложе, ответил, странно коверкая знакомые слова:

– По-нашему, однако, ты не кто иной, как демон. У нас ни у кого не бывает ни волос, темных как ночь, ни черных глаз. Это во-первых. А во-вторых, заповеди Пансиу гласят, что других людей не бывает. Поэтому человеком ты быть никак не можешь. Значит, ты – демон.

Опасливо приложив ладонь ко рту, старший рыбак посоветовал младшему:

– Помолчи, придержи язык! Не ровен час, взглянет он твой голос – будешь каркать или квакать!

– Уверяю вас, вы ошибаетесь, – вежливо возразил Юлан. – Вы когда-нибудь видели демонов?

– Пожалуй, что нет – если не считать гаунов.

– Разве я похож на гауна?

– Ни капельки, – вынужден был признать старик.

Но его товарищ тут же указал на темно-красный сюртук Юлана, на его зеленые бриджи:

– Вестимо, он грабитель! Ты что, не видишь, какой он пестрый?

– Я не демон и не грабитель, – настаивал Юлан Дор. – Всего лишь человек...

– Никаких других людей не может быть, кроме зеленых. Так завещал Пансиу!

Юлан расхохотался:

– Мир порядком опустел, города превратились в руины, но на Земле еще много людей, и не только зеленых! Скажите, город Ампридатвир – на этом острове?

Молодой рыбак кивнул.

– И вы там живете?

Юноша снова кивнул.

Юлан Дор слегка нахмурился:

– Мне говорили, что в Ампридатвире давно никто не живет – что город покинут, забыт, что от него остались одни развалины...

На лице молодого рыбака появилось проницательно-лукавое выражение:

– А что тебе понадобилось в Ампридатвире?

Юлан подумал, что полезно было бы упомянуть о скрижалях и пронаблюдать за реакцией рыбаков. Если о скрижалях помнили, может быть, их все еще охраняли как святыню?

– Я плыл по морю три недели, чтобы найти Ампридатвир и узнать, что написано на легендарных скрижалях, – сказал он.

– А! – встрепенулся старший рыбак. – Скрижали! Значит, он так-таки грабитель. Теперь все понятно! Недаром у него зеленые штаны. Он грабитель, его прислали зеленые...

В результате такого удостоверения личности Юлан Дор ожидал дальнейших проявлений враждебности, но, к его удивлению, выражение лиц обоих рыбаков стало скорее благожела-

тельным, как если бы они нашли решение парадоксальной головоломки. «Что ж, – подумал Юлан, – если так, я ничего не имею против».

Молодой рыбак, однако, нуждался в окончательном разъяснении:

– Значит, ты грабитель, тебя прислали зеленые? Поэтому ты напялил красное, темноволосяй человек?

– У меня еще нет никаких определенных планов, – осторожно уклонился Юлан Дор.

– Но ты надел красное! В красном щеголяют грабители!

«У здешних рыбаков какой-то странный, непоследовательный образ мыслей, – решил Юлан. – Возникает впечатление, что у них в головах любая попытка сделать логическое умозаключение натывается на преграду и разбивается в брызги, как струя воды, направленная на скалу». Вслух он сказал: – Там, где я живу, люди носят одежду любой расцветки, по своему усмотрению.

Старик нетерпеливо возразил:

– Но ты надел зеленое – значит, подрядился грабителем на стороне зеленых!

Юлан Дор пожал плечами – сдвинуть скалу, чтобы направить чуждое мышление в другое русло, ему было не под силу:

– Как вам угодно... Кто еще, кроме зеленых, живет в вашем городе?

– Больше никого нет, – торопливо ответил старший рыбак. – Мы – зеленые из Ампридатвира!

– А кого в таком случае грабит грабитель?

У молодого рыбака этот вопрос явно вызвал какие-то затруднения; он отвернулся и принялся наматывать леску:

– Он грабит развалины храма демона Каздала в поисках скрижали Рогола Домедонфорса.

– В таком случае я мог бы стать грабителем, – уступил Юлан.

– Зеленым грабителем! – покосившись на него, прибавил пожилой рыбак.

– Довольно, хватит болтать! – вмешался другой. – Дело идет к вечеру, пора возвращаться.

– Верно! – с внезапной энергией согласился старик. – Солнце заходит.

Юноша взглянул на Юлана:

– Если ты собираешься грабить, тебе лучше вернуться с нами.

Юлан Дор привязал свою лодку к баркасу, добавив парус к тростниковым циновкам, и оба суденышка повернули к берегу.

Они скользили к лесистому острову по вечерней зыби, красиво блестевшей под лучами вечернего Солнца; как только лодки обогнули восточный мыс, открылся вид на Ампридатвир.

Вдоль гавани выстроился ряд приземистых зданий, а за ними возвышались те самые башни, которые, по представлению Юлана, давно должны были рухнуть: сверкая отражениями заката, их металлические шпили реяли в небе над центральной возвышенностью острова. Такие города существовали только в легендах, в мечтах о молодой Земле!

Юлан Дор задумчиво посматривал на дощатый баркас, на грубое сукно зеленых рубах своих спутников-рыбаков. Крестьяне, быдло! Не станут ли над ним насмехаться, если он придет в великолепный город в такой компании? Досадливо прикусив губу, он снова повернулся к острову. По словам Кандива, Ампридатвиру надлежало превратиться в пустошь, заваленную обломками колонн и горами камней, – наподобие Старого Города под Кайином...

Солнце прикоснулось к морскому горизонту, и теперь Юлана постигло новое потрясение – у оснований металлических башен он заметил беспорядочные каменные осыпи. Его ожидания так-таки оправдались – как предсказывал Кандив, древний город был заброшен. Станным образом, это обстоятельство придавало Ампридатвиру дополнительное величие – достоинство забытого монумента.

Наступил почти полный штиль, и лодка, привязанная к баркасу, продвигалась едва-едва. Рыбаки проявляли признаки тревоги, тихо переругиваясь между собой и туго подтягивая

ванты, чтобы как можно шире расправить парус. Но еще перед тем, как они обогнули волнолом и оказались в гавани, на город спустились лиловые сумерки – башни превратились в чудовищные черные монолиты. Уже почти в темноте они привязали наконец баркас к бревенчатому причалу среди множества других таких же рыбацких лодок, выкрашенных то в зеленый, то в серый цвет.

Юлан вспрыгнул на пристань.

– Подожди-ка! – заметил молодой рыбак, разглядывая красный сюртук чужеземца. – Даже ночью так одеваться не пристало. – Порывшись в ящике, он вытащил холщовую зеленую накидку, пропахнувшую рыбой. – Надень вот это и прикрой капюшоном черные волосы.

Юлан Дор с отвращением поморщился, но подчинился. Он спросил:

– Где тут можно поужинать и переночевать? Есть у вас в Ампридатвире какие-нибудь гостиницы, постоялые дворы?

– Можешь переночевать у нас в чертоге, – без особого энтузиазма отозвался молодой человек.

Перекинув через плечо связки улова, рыбаки взобрались на пристань и остановились, тревожно вглядываясь в темные проходы между развалинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.